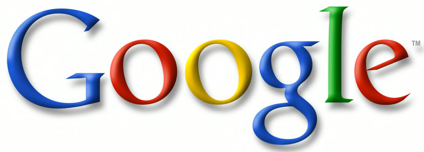

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

КОРНИ

НОЙ

КИЗНИ.

ова.

ъ пользу семей уби-
новъ.

еновская ул., соб. д

Bogolepov, L. P.

БОЛЬНЫЕ КОРНИ

СОВРЕМЕННОЙ

РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Л. П. Боголѣпова.

Половина чистой прибыли пойдетъ въ пользу семей убитыхъ и увѣчныхъ воиновъ.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и Ко**, Пименовская ул., соб. д.
1905.

Дозволено цензурою. Москва, 12 марта 1905 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Пусть не удивляется читатель, что я, врачъ, берусь за отысканіе причинъ печальныхъ явленій современной русской жизни. Когда ихъ переживаешь самъ въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, какъ ужасную рану, никогда не заживающую, даже напротивъ все болѣе и болѣе осложняющуюся, поневолѣ является необоримое желаніе отыскать ея больные корни и такимъ образомъ указать путь къ излѣченію. Подобная задача даже родственна въ извѣстной степени нашему чисто врачебному дѣлу, если его не понимать слишкомъ узко. Нашъ распознавательный пріемъ при постелѣ больного уже потерялъ значеніе только распознаванія болѣзни. Онъ принялъ видъ анализа предметнаго и причиннаго. При этомъ методологическомъ пріемѣ врачу приходится захватывать очень далекія области, не только личныя, но и общественныя. Долголѣтнее упражненіе въ наблюденіи и анализѣ даетъ мнѣ нѣкоторую увѣренность, что и въ данныхъ болѣзненныхъ общественныхъ явленіяхъ я не собьюсь съ вѣрнаго пути. Конечно, мнѣ могутъ возразить, что болѣзненныя общественныя явленія не то что болѣзненныя тѣлесныя явленія. Возраженіе вполнѣ основательное. Они, понят-

но, не тожественны, но во всякомъ случаѣ родственны, какъ потому, что относятся къ органическимъ проявленіямъ, такъ и потому, что представляютъ собой сочетанія множественныхъ причинъ. Слѣдовательно, и для нихъ приложимъ по существу тотъ же аналитическій методъ, который употребляемъ и мы, врачи, при распознаваніи болѣзней. Впрочемъ, я долженъ предупредить, что на настоящую работу смотрю, какъ на публицистическій набросокъ и не придаю ей значенія научнаго труда. Поэтому и методъ разработки затронутыхъ вопросовъ будетъ мною сохраненъ только въ общихъ чертахъ— во всемъ планѣ, но не въ подробностяхъ.

Больные корни современной русской жизни.

ГЛАВА I.

Стародержавцы и новодержавцы.

Уже сорокъ лѣтъ, если не болѣе, мы переживаемъ болѣзненное броженіе въ нашей общественной и государственной жизни. Въ послѣднее десятилѣтіе это броженіе перешло въ революціонное движеніе, ведомое, вопреки примѣрамъ другихъ народовъ, столь юнымъ поколѣніемъ, студентами и даже гимназистами, что его по праву можно назвать *революціей митрофанушекъ*. Подобный составъ революціонныхъ дѣятелей сейчасъ же окрасилъ ихъ дѣло цвѣтомъ самаго грубаго фанатизма. Вторая половина разсматриваемаго періода залита кровью министровъ, недавно великаго князя Сергѣя Александровича и даже царя, Александра II-го. И всѣ эти смертоубійства изъ-за угла дѣлались во имя свободы. Свобода, добываемая кровавымъ насиліемъ! Это мнѣ напоминаетъ вора, который вытаскиваетъ кошелекъ изъ чужого кармана и кричитъ: „Господа, мы должны быть честны!" Маленькій мозгъ митрофанушки такихъ пустяковъ, понятно, не принимаетъ во

вниманіе. Зато въ немъ крѣпко засѣли воспоминанія восторговъ папаши и учителя исторіи предъ французской революціей. Ея кровавыя страницы, этотъ стыдъ исторіи французскаго народа, для митрофанушки священные образцы революціи. Онъ, разумѣется, не въ состояніи взвѣсить то маленькое обстоятельство, что французская звѣроподобная революція была 100 лѣтъ тому назадъ. За это время люди должны бы сдѣлаться болѣе человѣчными въ выборѣ средствъ политической борьбы. Впрочемъ, весьма возможно, что эти разсужденія совершенно излишни. Очень можетъ быть, что наши недоросли дѣйствительно нисколько не выросли за эти 100 лѣтъ и остаются такими же дикарями, какъ французы времени ихъ революціи.

Но дѣти не были бы такими, если бы взрослые были иными. Митрофанушки только побѣги отъ старыхъ корней. А послѣдніе принадлежатъ тому ядру русскаго образованнаго общества, которое именуется „интеллигенціей“. Такое нерусское названіе по справедливости надо бы оставить за этимъ именно ядромъ съ его нерусскими мечтами. Интеллигентъ больше всего боится быть русскимъ. Онъ презираетъ все русское и благоговѣетъ предъ европейскимъ. Эта рабская кучка глубоко вѣритъ, что если мы, русскіе, надѣнемъ клѣтчатые англійскіе штаны, французскій цилиндръ, будемъ пить кофе, заведемъ конституцію, то очень быстро превратимся въ культурную націю, и у насъ все пойдетъ, какъ у нѣмца или англичанина. О, святая простота!

Изъ этой-то умственно и нравственно выродив-

шейся кучки выросло *политическое митрофанство.* Здѣсь оно имѣетъ свои корни. Отсюда оно размножается и заражаетъ другіе слои русскаго общества. И это зараженіе ужасно, потому что оно ничего не даетъ органическаго. Оно дѣйствуетъ только какъ бродило, разлагая государственный строй, а не улучшая его, разлагая семью, нравственные устои, религію, народныя воззрѣнія, языкъ, русскую мысль. Что же оно даетъ взамѣнъ всего этого? Ничего кромѣ туманныхъ принципіальныхъ настроеній и списыванiй съ иностранныхъ порядковъ.

Посмотримъ теперь на другое, не менѣе фанатическое теченіе, несущее знамя или, вѣрнѣе говоря, прикрывающееся имъ, со словами: „самодержавіе, православіе, народность". Прекрасное знамя! Но кто его держитъ? Слѣпой фанатикъ, не видящій жизни, не понимающій ни содержанія, ни границъ правильныхъ начертаній своего знамени.

Само собою разумѣется, два эти воинствующія направленія выдѣляютъ своихъ крайнихъ представителей—анархизма и деспотизма. Остальная часть русскаго народа, громаднѣйшая, можетъ быть $^{9}/_{10}$ его, вѣруя въ начертаніе знамени стародержавцевъ, стоитъ въ сторонѣ отъ политической борьбы послѣднихъ съ новодержавцами. Уже много разъ подвергавшійся разнымъ неудачнымъ опытамъ бѣдный русскій народъ опять готовится для экспериментовъ. Но, господа экспериментаторы, остановите вашу руку! Предъ вами не животное, а 150-милліонный народъ. Если вы еще не совсѣмъ обезумѣли въ своемъ фанатизмѣ, обратитесь къ своей совѣсти и остаткамъ

разума и провѣрьте сперва, что вы сами за величина.

Обращаясь къ представителямъ двухъ обозначенныхъ партій, стародержавцевъ и новодержавцевъ, я имѣю въ виду конечно только тѣхъ изъ нихъ, которые идутъ съ чистою вѣрою въ свое дѣло. Въ той и другой партіи не мало вожаковъ, видящихъ въ обѣихъ партіяхъ только средство для достиженія своихъ національныхъ или личныхъ цѣлей. Къ этому отребью моя рѣчь не можетъ относиться.

Займемся теперь вопросомъ о происхожденіи, какъ новодержавцевъ, такъ и стародержавцевъ.

Давнее то время, до сороковыхъ годовъ. Дворянство наше представляло тогда удивительную мозаику обычаевъ и взглядовъ. Воспитанное иностранными гувернерами, нерѣдко начинавшее и оканчивавшее свое образованіе за границей, усвоивавшее тамъ не только внѣшнія привычки, одежду, кухню, но даже рѣчь, государственныя, богословскія и философскія воззрѣнія, оно совершенно оторвалось отъ своей родины. Между тѣмъ жизнь среди своихъ русскихъ рабовъ, среди наслѣдственныхъ угодій, прививала ему совершенно особыя привычки. Отсюда россійскій *Мирабо*, съ наклонностью къ мордобитію, *Вольтеръ*, коптящій свои хоромы лампаднымъ масломъ, проповѣдникъ гуманности, преспокойно поровшій своихъ крестьянъ на конюшнѣ. Обезпеченное вполнѣ трудомъ своихъ рабовъ, русское дворянство предавалось праздности, пиршествамъ, борзымъ охотамъ, картежничеству. Однимъ словомъ, изъ жизни слагалась забава. Денегъ не считали. Когда не хва-

тало, закладывали, продавали имѣнія, лѣса, людей. Своимъ прямымъ и важнымъ дѣломъ — сельскимъ хозяйствомъ—рѣдко кто занимался основательно и современно. Хозяйничали въ имѣніяхъ приказчики, управляющіе. Вырастали поколѣнія съ университетскимъ образованіемъ, и еще болѣе дворяне отдалялись отъ своихъ земледѣльческихъ занятій. Большинство изъ нихъ устраивалось въ столицахъ, занимая различныя государственныя должности, рѣдко заглядывая въ деревню. Къ этому ядру образованныхъ дворянъ понемногу прислаивались жаждавшія образованія дѣти низшихъ чиновниковъ, поповичи, мѣщане, а нѣсколько позднѣе—и крестьяне. Всѣ вмѣстѣ они доставляли государству чиновниковъ, судей, врачей, инженеровъ, архитекторовъ, учителей, профессоровъ, военныхъ, моряковъ и т. д. Такимъ образомъ ядро образованнаго русскаго общества вышло изъ дворянства и перешло затѣмъ въ другія сословія. Это—данныя очень большой важности. Дворяне были руководителями другихъ сословій. Естественно, какъ это и всегда бываетъ, такое передовое сословіе передало своимъ послѣдователямъ и подражателямъ многія свои отрицательныя качества: презрѣніе къ физическому труду, обычай окружать свою семью многочисленной дворней, любовь къ праздному препровожденію времени, слишкомъ роскошную не по средствамъ жизнь, стремленіе ко всему иноземному, начиная съ платья и кончая модными литературными и научными теченіями, недовѣріе къ русскому—даже болѣе—отвращеніе. Я бы могъ привести множество примѣровъ, подтверждающихъ мое

обличеніе. До сихъ поръ передъ моими глазами стоитъ чопорная фигура профессора-англомана. Онъ всегда пилъ до черноты крѣпкій чай, носилъ англійскіе бачки и костюмъ, жену свою возилъ каждый годъ въ Англію, куда она отъ него въ концѣ-концовъ и сбѣжала. Очень многимъ вѣроятно приходилось встрѣчать аристократокъ, говорящихъ порусски — какъ иностранка, а пофранцузски — какъ француженка. Это считалось очень хорошимъ тономъ. Полная выдержка его требовала отличнаго французскаго произношенія, порядочнаго англійскаго, плоховатаго нѣмецкаго и сквернаго русскаго. Потомъ мода измѣнилась. Требовался отличный англійскій языкъ, хорошій французскій, плохой нѣмецкій и скверный русскій. Постоянство въ одномъ: презрительное отношеніе къ родному языку. Чистая русская рѣчь употреблялась только, когда надо было сквернословить, т.-е. въ обращеніи съ простымъ народомъ. Съ нѣкоторыми послабленіями такое влеченіе къ иностраннымъ языкамъ перешло и во все остальное образованное русское общество. Французскій языкъ сталъ главнымъ признакомъ образованности. Очень нерѣдко этимъ признакомъ только и ограничивались. „Мерси“ и „пардонъ“ даже слышалось среди лакеевъ и горничныхъ. Мода на „заграницу“ была такъ велика, что вслѣдъ за дворянами потянулись туда и другія сословія. Поѣхало все мало-мальски имущее и даже неимущее. Оттуда везли наряды, языкъ, нерусскіе политическіе взгляды, нерусскую технику, нерусскую литературу, науку. Со всѣмъ этимъ сжились, какъ съ роднымъ, и сами стали уже нерус-

скими. Все нерусское стало роднымъ, все русское—чуждымъ. Никакое русское начинаніе не находило довѣрія и поддержки. Замѣчательныя русскія открытія, изобрѣтенія, пропадали на родинѣ и искали сочувствія и пріюта у французовъ, англичанъ, нѣмцевъ. Такъ продолжается и до сихъ поръ.

Что касается въ частности иностранной литературы, то она имѣла повелѣвающее вліяніе на умственный складъ и воззрѣнія нашего образованнаго общества. Если до 40-хъ годовъ замѣчается преимущественное вліяніе французскихъ беллетристовъ и философовъ, то послѣ нихъ нѣмецкая литература и наука, особенно философія, положительно поработили русскаго умственника. Вездѣ нѣмецъ, нѣмецъ и нѣмецъ. Отдаться въ такое рабство, въ какое мы отдались ему, это недостойно, это стыдно для маломальски способнаго народа. Обыкновенно возражаютъ, что дѣлается это по необходимости: все у нѣмца и ничего у насъ. Но давно было бы все и у насъ при громадныхъ нашихъ способностяхъ ко всѣмъ отраслямъ знанія, если бы мы больше вѣрили себѣ и больше уважали себя, меньше бы перенимали, а больше бы создавали. *Живописецъ никогда не будетъ художникомъ, если будетъ только срисовывать. Никогда народъ не скажетъ своего слова человѣчеству, пока не перестанетъ перенимать, пока не начнетъ создавать.* Между тѣмъ рабское подчиненіе западной мысли укрѣпило уже у насъ свое гибельное воздѣйствіе. Даже лучшіе умы наши носятъ на себѣ слѣды его. Абсолютизмъ *Л. Н. Толстого* нашелъ свои корни, кромѣ религіи, несомнѣнно въ нѣмецкой философіи.

О дюжинныхъ, рядовыхъ умахъ, и говорить нечего. Они подчиняются безъ критики, рабски, не видя ни слабыхъ сторонъ гипотезъ естественныхъ наукъ, ни искусственности философскихъ построеній, ни шаткости положеній политической экономіи, съ предвзятой мыслью выжатыхъ изъ скуднаго и методологически неправильно разработаннаго матеріала. Между тѣмъ скороспѣлые финансисты ставятъ ихъ въ основаніе преобразованія цѣлой нашей страны, стоящей въ совершенно особыхъ условіяхъ по своей культурѣ, географіи и историческимъ задачамъ. Вообще еще науки, исключая математику и вспомогаемыя ею, находятся въ періодѣ броженія. Точныхъ, незыблемыхъ положеній еще очень мало.

Между тѣмъ наши наивные умцы въ своемъ дикарскомъ обожаніи всего западнаго съ чисто дикарскимъ легкомысліемъ набрасываются на всякое временное политическое или научное теченіе, принимаютъ его за непреложно-истинное, съ фанатизмомъ ему слѣдуютъ, готовые все сокрушить кругомъ, чтобы перестроить сообразно прочитаннымъ въ книжкѣ теоріямъ. И сколько было такихъ попытокъ въ нашей государственной, общественной и частной жизни, и сколько крушеній онѣ потерпѣли!

Что замѣчательно! Въ то же время всякій прогрессъ русской мысли этими рабскими умами осмѣивается, оплевывается и уже по крайней мѣрѣ пренебрегается. Еще за десять лѣтъ до *Уатта* изобрѣтена паровая машина мастеровымъ *Ползунковымъ*. Она работала въ 1760 году на Змѣиногорскомъ рудникѣ на Уралѣ. Еще до 1837 года была построена желѣзная дорога

мастеровымъ Нижнетагильскаго завода *Черепановымъ*. За 20 слишкомъ лѣтъ до *Бессемера*, малограмотный мастеровой *И. Ф. Макаровъ* получилъ литое желѣзо. Въ 1801 году уже изобрѣтенъ велосипедъ мастеровымъ *Артамоновымъ*. Это было давно. Можетъ быть, мы стали самостоятельнѣе теперь, освободились изъ европейскаго рабства, выросли въ своемъ сознанiи, уважаемъ себя, бережемъ свой генiй? Ничуть не бывало. Въ послѣднiе десятки лѣтъ масса русскихъ изобрѣтенiй не нашла дома признанiя и примѣненiя, но принята и дорого оплачена за границей. Въ самые послѣднiе годы нѣсколько цѣнныхъ изобрѣтенiй, чрезвычайной важности даже для настоящей войны, не признаны нужными, важными, стоющими вниманiя и или пропали, или попали за границу.

Въ 1883 году *В. Ѳ. Прокофьевъ* изобрѣлъ дальномѣръ, чрезвычайно удобоносимый, чрезвычайно простой и точный. Расчетъ автора въ своей вѣрности удостовѣренъ Техническимъ обществомъ. Онъ послалъ проектъ въ Гл. Штабъ и просилъ помочь ему осуществить его. Ему ничего не отвѣчали. Уже пять лѣтъ *Г. Тилле* проситъ разныя прикосновенныя учрежденiя, чтобы у него купили изобрѣтенный имъ *фотографическiй съемщикъ* мѣстностей, практичность и выгодность котораго вполнѣ удостовѣрена, и ничего не можетъ добиться. Между тѣмъ американцы ему даютъ въ 5 разъ больше, чѣмъ онъ проситъ съ русскихъ. Въ самое послѣднее время *Балаховскiй* изобрѣлъ электрическiй очень легкiй двигатель, и онъ уже купленъ во Францiи, а не въ Россiи. Другой его, керосино-электрическiй, двигатель можетъ сдѣ-

лать цѣлый переворотъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и уже испытывается фирмой *Вестингаузъ-Викеръ и Максимъ*. Въ Россіи на него не обратили никакого вниманія. Лѣтъ 20 назадъ изобрѣтена и отлично маневрировала подводная лодка *Александровскаго*. Ее опустили, повидимому намѣренно, на большую глубину; ну, понятно, ее раздавило, а изобрѣтатель остался только при своихъ горькихъ мечтахъ. Припомните кстати воздушный корабль *Ціолковскаго*. Вотъ вамъ кусочекъ похороннаго листа нашего несчастнаго русскаго генія за старое и новое время. За 200 лѣтъ мы остались такими же рабами западно-европейской мысли и дикарями по своему самосознанію. Та же самая преступная дикарская расправа производится надъ школами, законами, цѣлыми учрежденіями. Русское только по названію, на самомъ дѣлѣ совершенно объиностранившееся, наше умство срубаетъ русское народное дерево и прививаетъ ему австрійскіе, нѣмецкіе, французскіе черенки. Но вѣдь яблонѣ нельзя привить крапивы! Надо сперва изучить свое-то дерево. А вы его не знаете. Между тѣмъ прививаете. Можно дѣлать подобные опыты съ деревомъ, но съ народомъ... съ своимъ народомъ... съ этимъ талантливымъ, покорнымъ ребенкомъ, который вполнѣ вамъ довѣряетъ... это нечестно!

Вотъ изъ этой-то самой интеллигенціи выходятъ сановники, чиновники, профессора, учителя, врачи, инженеры, военные и т. д.—всѣ тѣ дѣятели, которые составляютъ мозгъ народа! Они—его умъ, они—его самосознаніе. Но что это за самосознаніе? Это—самосознаніе птицы, приданное медвѣдю. Его заставляютъ

летать, когда онъ самое большее можетъ ходить на заднихъ лапахъ. Умственные слои народа должны *вырастать* изъ него, а не *приходить извнѣ*, какъ случилось съ нашимъ умствомъ. А это можетъ быть только тогда, когда образованный слой народа воспитывается и образовывается въ нѣдрахъ и нормахъ его жизни, а не заграничной, изучаетъ всѣ подробности его историческаго роста и на основанiи этихъ знанiй творитъ, пересоздаетъ, а не втискиваетъ насильно въ русскую жизнь иностранные порядки.

Вотъ каковы содержанiе и происхожденiе нашего объиностранившагося *умства* съ его фанатическимъ отдѣленiемъ—*интеллигенцiей*. Изъ него выросли *новодержавцы*, требующiе представительнаго правленiя, свободы слова, свободы совѣсти, свободы личности и т. д. Своими передовыми бойцами *новодержавцы* избрали *митрофанушекъ*, благоразумно предпочитая самимъ заняться полученiемъ чиновныхъ окладовъ. Благодаря подобнымъ участникамъ и все политическое движенiе окрасилось особымъ цвѣтомъ зеленной юности со всей ея дикостью и свирѣпой нелѣпостью.

Но что въ высокой степени занимательно,—это выдѣленiе изъ того же объиностранившагося умства и дворянства партiи *стародержавцевъ*, съ которой собственно и вступила въ борьбу партiя *новодержавцевъ*. Въ составъ *стародержавцевъ* входятъ: значительная часть чиновниковъ, бывшiе крѣпостники-помѣщики, значительная часть военныхъ, временно-обязанные писатели, созерцатели-фанатики византiйскаго стиля, наконецъ, всякiя превосходительства, не исключая двор-

ника. Все это составляетъ образованный слой партіи, столь же объиностранившійся, какъ и новодержавцы, разумѣется, кромѣ дворника. Вся сила этой партіи въ томъ, что она прикрылась знаменемъ, за которымъ идетъ весь русскій народъ въ своемъ крестьянствѣ, мѣщанствѣ, купечествѣ. Въ то время, какъ умственники этой партіи, верхніе слои, держатся ея или въ силу личныхъ соображеній и выгодъ, или по убѣжденію, низшіе непосредственно—по вѣрѣ и преданію. Представленія о власти, вѣрѣ и народности сложились здѣсь органически путемъ долгаго историческаго нарастанія. Это надо бы понимать господамъ преобразователямъ изъ новодержавцевъ. Съ другой стороны несомнѣнно, какъ и всякая организація, русская государственность подъ вліяніемъ разныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій неизбѣжно должна видоизмѣняться въ своемъ укладѣ. Въ свою очередь, стародержавцы этого не хотятъ понимать или не могутъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ границахъ, какія соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Русскій самодержецъ въ былое время былъ и судья, и воевода, и министръ. Но развитіе государственной жизни, ея усложненія сдѣлали все это невозможнымъ, да и излишнимъ. Потребовались для выполненія многообразныхъ государственныхъ отправленій отдѣльные дѣятели, уполномоченные отъ царя. Наконецъ, и мѣстная жизнь съ ея будничными нуждами не могла быть точно направляема правительственными органами и была передана самоуправленіямъ. Очевидно, какъ ни далеко проникъ чиновникъ, наше правительство само сознало, что этому все-таки долженъ быть пре-

дѣлъ. И дѣйствительно, если не остановиться здѣсь, идти дальше, то можно дойти до назначенія чиновниковъ въ семьи для ихъ управленія, или до какой-либо подобной безсмыслицы. Ясно, что самодержавіе значительно видоизмѣнилось по своему образу, но нисколько не измѣнилось по своей сущности. Попрежнему самодержавіе олицетворяетъ *совѣсть* и *волю* русскаго народа. Оно создалось въ силу исторической собирательной потребности послѣдняго, и эта потребность не кончилась еще и теперь. Разноплеменная, громадная, Россія не объединилась еще и понынѣ. Границы ея еще не достигли своихъ естественныхъ предѣловъ. Громадная территорія съ громаднымъ народоселеніемъ, со все возрастающей производительностью, *нигдѣ не имѣетъ выхода къ міровымъ путямъ*. Сибирь представляетъ гигантскій тупикъ. Вывозить продукты ея приходится за 10.000 верстъ. Если крестьянинъ этого не понимаетъ и недоумѣваетъ въ лицѣ солдата *(Немировичъ-Данченко)*, зачѣмъ намъ Манчжурія, то тутъ удивительнаго ничего нѣтъ, но если просвѣщенные офицеры и писатели этого не понимаютъ, остается только съ грустью вздыхать. Несомнѣнно, мы пошли туда къ Тихому океану въ силу исторической инерціи громаднаго государственнаго тѣла и въ силу той же инерціи въ удобный моментъ пойдемъ къ югу, къ Персидскому заливу, слившись съ Персіей, и за Дарданелы, слившись съ частью Турціи.

Точно такъ же и во внутренней жизни мы не достигли еще границъ своей организаціи. Подчасъ безсмысленныя вожделѣнія инородцевъ, митрофанство

внутреннихъ политическихъ партій на ряду съ внѣшне-политическими задачами требуютъ наличности *единой власти,* которой вся масса народа довѣряла бы. Поэтому самодержавіе необходимо, какъ *совѣсть и воля* народа.

Было бы, конечно, смѣшно и грѣшно смотрѣть на самодержавіе съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ стародержавцевъ и новодержавцевъ, смѣшивающихъ самодержавіе съ своеволіемъ. Самодержецъ утверждаетъ законы, выработанные его правительственными или представительными органами, въ силу безпредѣльнаго довѣрія русскаго народа къ совѣсти самодержца, какъ къ своей собственной. Самодержецъ можетъ утвердить какіе ему угодно органы правленія и законодательства, не исключая земскаго собора или другого представительства,—разъ по совѣсти онъ признаетъ это своевременнымъ и цѣлесообразнымъ. Чѣмъ ближе стоитъ самодержецъ къ выразителямъ нуждъ народа, тѣмъ больше онъ ихъ знаетъ и тѣмъ вѣрнѣе по совѣсти и разуму можетъ поступить. Независимый и безотвѣтственный, онъ стоитъ выше лицъ и партій. Такъ смотритъ на него народъ, и потому таковы должны быть его совѣсть и воля. *Для народа онъ хранитель народной правды. А правда эта—въ безпристрастномъ и справедливомъ законѣ и неукоснительномъ его исполненіи.*

Къ сожалѣнію, русское общество, какъ въ лицѣ стародержавцевъ, такъ и новодержавцевъ, не обладаетъ никакими положительными свойствами дѣятелей государственнаго и общественнаго значенія. Прежде всего тѣ и другіе—еще въ значительной сте-

пени дикари, лишенные чувства законности, чувства порядка, чувства долга и честности. Какихъ же стражей закона можетъ найти среди нихъ самодержавная власть! Я уже не говорю о томъ, что каждый изъ нихъ скорѣе иностранецъ, чѣмъ русскій, по своему воспитанію и образованію, а многіе изъ новодержавцевъ и по своимъ патріотическимъ чувствамъ. Вотъ это-то отсутствіе истинныхъ дѣятелей создало тотъ крахъ нашей внутренней и внѣшней государственной жизни, который мы наблюдаемъ въ настоящее время.

Желаемое новодержавцами представительство, дарованное теперь царемъ, нисколько не измѣняетъ главнаго—добросовѣстнаго выполненія государственнаго дѣла. Исполнители остаются тѣ же. Въ то же время представительное правленіе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ на западѣ, есть управленіе страной одной партіей въ ущербъ другимъ. Правящая партія обыкновенно стремится выполнить свои завѣтныя партійныя требованія. Другія ждутъ часто многіе годы своей очереди, и за эти годы правители успѣваютъ провести множество законовъ, для нихъ только вредныхъ. Вотъ вамъ министерство *Комба*, насилующее совѣсть, оскорбляющее религіозное чувство значительной части французскаго народа, опутывающее армію отвратительнымъ шпіонствомъ, сыскомъ. Вотъ министерство *Стамбулова*, представляющее австрійское отдѣленіе и насилующее политическія влеченія $^{9}/_{10}$ болгарскаго народа. Далѣе министерство *Чемберлена*, вовлекающее единоличнымъ вліяніемъ всю страну въ разорительную двухгодичную войну. Въ

Италіи то же продѣлываетъ *Криспи*, приведя страну къ позорному пораженію. Вспомните дрейфусіады, эмберіаду, вильсоніаду и всякіе другіе *ады*, вспомните беззастѣнчивое грабительство американской администраціи, нью-іоркскія шайки, вспомните германскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, истязующихъ солдатъ, чтобы не набрасывать розовыхъ тоновъ тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ очень сѣро, если не черно. Это только въ послѣднее время въ странахъ, столѣтіями приспособившихся къ конституціонному правленію. А въ прежнее время и въ болѣе молодыхъ конституціонныхъ государствахъ сколько можно найти примѣровъ безпомощности народа передъ натискомъ партіи или отдѣльныхъ хищниковъ! Для дѣятельнаго участія народа въ управленіи государствомъ надо ему вырасти умственно, нравственно, политически и патріотически.

Конечно, въ каждомъ правленіи существуютъ свои хорошія стороны, но нельзя же преувеличивать, и всю разницу въ благосостояніи нашемъ и у конституціонныхъ народовъ приписывать, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, образу правленія. Надо же оставить что-нибудь на долю той большей ихъ культурности, которою они отличаются отъ насъ, на долю, наконецъ, ихъ ранѣе и болѣе развитого личнаго и гражданскаго самосознанія. Хотя воспитательное значеніе самоуправленій врядъ ли кто будетъ отрицать. Чѣмъ меньше водитъ народъ на помочахъ, тѣмъ сознательнѣе и дѣятельнѣе онъ относится къ общественному дѣлу.

Совершенно своевременны и естественны желанія

новодержавцевъ относительно свободы личности и слова. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что значительная часть русскаго народа настолько выросла въ сознаніи своего личнаго достоинства, что для него обидны и оскорбительны усмотрительныя нарушенія его личной свободы, а также базцеремённое обращеніе больших и маленькихъ превосходительствъ. Но вотъ въ чемъ бѣда: само общество наше на дѣлѣ мало уважаетъ чужую личность и въ массѣ недостаточно бережетъ свое достоинство. Это особенно рѣзко выступаетъ при обращеніи съ крестьянами. Крѣпостническій духъ живетъ еще во многихъ нашихъ красныхъ. Повелѣвать и приказывать крестьянину, разыгрывать по отношенію къ нему барина—это самое обыкновенное явленіе въ нашемъ умствѣ. Не думайте, чтобы впечатлѣніе отъ нашего презрѣнія проходило безслѣдно и не оставляло у мужика чувства обиды, оскорбленія. Когда-нибудь намъ будетъ поставлено все на счетъ. Съ другой стороны, каждый, наблюдающій русское умство, не можетъ не замѣтить, какъ много еще въ немъ остается рабскаго. Посмотрите, что дѣлается въ средѣ служилой, да даже и общественной, даже международной. Холопство передъ званіемъ, холопство передъ чиномъ, передъ начальствомъ, передъ богатствомъ, холопство передъ иностранцемъ. Сотни, если не тысячи, интеллигентныхъ холоповъ теперь кричатъ „банзай“!

Если вы сами такъ мало щадите свое личное и національное достоинство, какъ же вы хотите, чтобы другіе съ вами поступали какъ съ свободными и достойными людьми? Оттого насъ презираютъ за

границей, оттого съ нами безъ церемоніи обходятся и дома, на родинѣ, хватая за шиворотъ. Только въ послѣднемъ случаѣ мы и начинаемъ протестовать, а недалеко то время, когда и при подобномъ столкновеніи мы покорно молчали. Русское личное и національное безличіе создало русскую держимордію и иноземное презрительное отношеніе къ намъ. Но мы начинаемъ сознавать себя, начинаемъ по крайней мѣрѣ различать въ себѣ гражданина и, кажется, немного человѣка. Умному руководителю общественной жизнью надо бы было замѣтить поворотъ своевременно и соотвѣтственно измѣнить свое руководство. Этого не случилось... и началась безобразная, грубая борьба насилія съ насиліемъ...

Вотъ вина стародержавцевъ. Они не хотятъ признавать дѣйствительности, несомнѣннаго подрастанія народа, что выражается и въ повышеніи личнаго самосознанія, и въ повышеніи общественнаго самосознанія. Если у нашего умственника не совсѣмъ все въ головѣ въ порядкѣ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ не выросъ въ сказанномъ отношеніи. То, что было допустимо въ обращеніи съ нимъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, теперь для него *оскорбительно*. Стародержавцы продолжаютъ еще ласкать своимъ взоромъ и сопровождать вздохомъ мечтаніе о начальникѣ-держимордѣ и подчиненномъ съ перегнутою въ 45° спиной. Они все еще думаютъ начальническими предписаніями упорядочить чуть не всѣ естественныя надобности россійскаго гражданина. Они не желаютъ въ немъ видѣть человѣка, а живую пѣшку подъ такимъ-то номеромъ, состоящую въ вѣдѣніи такого-то

превосходительства. Сами же ихъ превосходительства идутъ дальше и уже принимаютъ эту пѣшку за собственный брелокъ. Тутъ, видимо, не одна слѣпота склеротика, не одна невмѣняемость, а нѣчто болѣе злокачественное, злонамѣренное и злоупотребительное. Это итоги привычки цѣлыхъ чиновничьихъ поколѣній, въ теченіе вѣковъ злоупотреблявшихъ властью. Самый яркій обликъ его превосходительства всходилъ за предѣлами закона. Проявленіе власти только въ границахъ послѣдняго стало считаться весьма предосудительнымъ для нея ограниченіемъ. Даже въ обывательскомъ сознаніи мало-по-малу сложилось понятіе о сильной власти, какъ о власти сверхзаконной. Другими словами, подъ именемъ власти стали понимать своеволіе ихъ превосходительствъ. Такое искаженіе понятія о власти повело къ искаженію понятія о самодержавіи, какъ утвердительной власти, не только въ средѣ ихъ превосходительствъ, но также и въ обывательской. Въ итогѣ ложный взглядъ стародержавцевъ на мнимое умаленіе самодержавія введеніемъ ограниченной закономъ исполнительной власти, съ другой стороны ложный взглядъ новодержавцевъ на самодержавіе, какъ сверхзаконную власть. Конечно, ихъ превосходительства не желаютъ разстаться съ теперешнимъ положеніемъ вещей еще и потому, что оно создаетъ для нихъ то *Монрепо*, гдѣ они получаютъ безъ предѣла чины, ордена, большіе оклады и безгрѣшные доходы, почетъ, власть и млѣютъ въ самовосторженности. У нихъ одурѣвающій запой и дѣйствительная возможность пребывать въ немъ, пока не стукнутся лбомъ

въ стѣну. Они, наконецъ, и стуркулись въ стѣну пробуждающагося въ народѣ самосознанія личнаго и общественнаго. Онѣ удивлены и возмущены, къ несчастію не понимая собственной лжи и той пропасти, передъ которою стоятъ и къ которой ведутъ русскій народъ.

Но очнитесь же! Вѣдь разъ случится этотъ ужасъ, пропадетъ все равно и вашъ *Монрепо* со всѣми его прелестями, пропадете и вы сами. Взгляните хоть разъ яснымъ взоромъ, не затуманеннымъ себялюбіемъ и своекорыстіемъ, на то, что вокругъ васъ дѣлается. Передъ тѣмъ самымъ знаменемъ, начертанія котораго вы такъ исказили, уже нѣтъ того цѣлокупнаго русскаго народа. Отдѣлилось большое число умства, которое, по понятію народа, должно бы было держать ваше знамя, а оно уже далеко и разоблачаетъ ваши ошибки и своекорыстіе. Народъ русскій недоумѣваетъ и смущенъ. Онъ видитъ, что что-то неладно. На своей облѣзлой шкурѣ чувствуетъ и въ своей пустой мошнѣ видитъ, что дѣйствительно дѣло не ладно. Его безсчетныя толпы начинаютъ колебаться и уже нѣкоторая часть ихъ оставляетъ русское знамя и уходитъ подъ нерусскія знамена той самой *интеллигенціи*, ея крайнихъ даже представителей, которые ему принесутъ много горя и несча̀стій, толкая на путь неосмысленныхъ, рабски заимствованныхъ преобразованій.

Но вотъ 19 февраля обнародованъ манифестъ Царя, великій актъ, окончательно раскрѣпощающій русскій народъ. Будемъ надѣяться, что этимъ будетъ положенъ конецъ безобразной борьбѣ стародержавцевъ

и новодержавцевъ. Пожелаемъ, чтобы тѣ и другіе перестали вносить насилія въ русскую жизнь, прикрывая свои вожделѣнія какъ бы возвышенными принципами.

Какъ часто эти принципы бываютъ чистыми и прекрасными, и какое нерѣдко возмутительное зрѣлище представляетъ проведеніе ихъ въ жизнь. Мы уже видѣли, въ какую грязную закуту поставлено наше русское знамя. Не одни стародержавцы сдѣлали это гнусное дѣло. Новодержавцы тоже входятъ въ чиновничество въ очень большомъ процентѣ и тоже участвовали въ немъ, не уступая своимъ противникамъ ни въ злоупотребленіи властью, ни въ расхищеніи общественнаго пирога. Возьмите хоть только офиціальныя уголовныя дѣла по хищеніямъ, сколько вы найдете тамъ именъ высокообразованныхъ участниковъ съ самымъ либеральнымъ образомъ мыслей. Каждый изъ насъ лично, сколько встрѣчалъ людей, самыхъ красныхъ на словахъ, а на дѣлѣ возмутительныхъ превосходительныхъ насильниковъ. Можетъ быть, ни въ одной странѣ принципы не сшиты съ жизнью такъ механически, какъ у насъ. Мысли и слова у насъ однѣ, а влеченія и дѣла совсѣмъ другія. На словахъ мы гуманисты, а на дѣлѣ крѣпостники. И все это происходитъ оттого, что никогда у насъ преобразованія не были выраженіемъ роста, а приклеивались къ жизни механически и часто насильственно, вопреки требованіямъ ея природы. Какъ стародержавцы, такъ и новодержавцы, входившіе во всесильное и безконтрольное чиновничество, какъ мы видѣли, вышли изъ одного и того же источника и

потому были одержимы одинаковымъ духомъ крѣпостничества и чужеземства. Инстинктъ крѣпостника влекъ къ насилію, наивная вѣра дикаря къ неосмысленнымъ заимствованіямъ. Но такъ какъ эти заимствованія часто были чужды и общимъ воззрѣніямъ, и семейнымъ началамъ, и религіознымъ взглядамъ, и школьнымъ задачамъ, то естественно во всѣхъ этихъ областяхъ наступило разложеніе, приведшее къ очень печальнымъ явленіямъ современной нашей жизни. Получились новые больные ея корни.

ГЛАВА II.

Школа.

Прежде всего оцѣнимъ школу. Уже издавна она устроялась по иностраннымъ образцамъ. Содержаніе и пріемы преподаванія были по преимуществу иностранные, достаточно искаженные чиновничьимъ отношеніемъ къ дѣлу. Учителя относились съ пристрастіемъ ко всему иностранному, особенно политическому устройству. Ко всему родному нѣкоторые преподаватели относились съ усмѣшкой уже въ сороковыхъ годахъ. Что изъ такихъ школъ могло выйти, кромѣ иностранцевъ? Ихъ мы и получили въ лицѣ нашихъ умцевъ. Въ шестидесятыхъ годахъ постигло Россію еще большее несчастіе. Виновниками его были *Катковъ* и *Леонтьевъ*, извѣстные поборники классицизма. Какъ и всѣ, не исключая славянофиловъ, они были рабами своего нерусскаго образованія. Въ ихъ мысляхъ было такъ же мало русскихъ основъ, какъ и у

западника *Чичерина*. Вкупѣ съ *гр. Д. Толстымъ* ими создана была въ сущности невозможная по своей односторонности классическая средняя школа, скроенная по австрійскому образцу съ нѣкоторыми усовершенствованіями въ духѣ сыска. Все образованіе сосредоточивалось на грамматическихъ упражненіяхъ въ латинскомъ, греческомъ и одномъ изъ новыхъ языковъ. Русскому языку было отведено очень скромное мѣсто, если не сказать болѣе. Математика и логика преподавались только съ формальной стороны, безъ всякой связи съ количественными и логическими явленіями въ жизни. Все это, впрочемъ, не измѣнилось и теперь. Географія изображалась номенклатурно, исторія—болѣе съ политической и военной точки зрѣнія. Русская исторія, бездушная и офиціальная въ учебникахъ, такъ же и преподавалась. Ироническое и подчасъ враждебное отношеніе учителя-западника къ русской жизни сказывалось весьма часто и въ освѣщеніи изложенія русской исторіи юнымъ слушателямъ. Естественныя науки совсѣмъ не преподавались. Такимъ образомъ все образованіе сосредоточивалось на преимущественномъ изученіи иностранныхъ языковъ, и притомъ исключительно грамматическомъ. Но неужели, весь міръ отражаетъ свой безконечный умъ и красоты только въ грамматикѣ? Неужели духъ человѣческій отлился только въ грамматическихъ формахъ? Неужели весь многовѣковый послѣклассическій періодъ развитія человѣческой мысли не принесъ ничего человѣчеству, не представляетъ движенія впередъ! Это можетъ подумать только фанатикъ-классикъ.

Мы же думаемъ, что преподавательскій классицизмъ пышное историческое преданіе, а теперь жалкое историческое переживаніе. Природному русскому уму, попреимуществу наблюдательному, онъ нанесъ двойной ударъ. Онъ его объиностранилъ окончательно и повелъ по тому ложному, исключительно дедуктивному пути развитія, по которому все время шла западная мысль. Я уже не говорю о сухости граматическаго образованія, отъ котораго нашъ ученикъ хирѣетъ умственно и физически, замѣтно вырождаясь. Грамматическое образованіе исключаетъ упражненіе главнѣйшихъ основныхъ пріемовъ мышленія. Учитъ ли оно *наблюдать* и *расчленять* (анализировать) предметный міръ? Нѣтъ. А вѣдь это краеугольный камень реальной вѣрности мышленія! Учитъ ли оно *рядованію* (классифицированію) предметовъ? Нѣтъ. А вѣдь это первоначало *наводного и выводного* (индуктивнаго и дедуктивнаго) пріемовъ мышленія? Учитъ ли оно *наведенію* (индукціи)? Нѣтъ. Между тѣмъ этотъ методъ создаетъ всѣ теперешнія естественныя науки! Учитъ ли оно *причинному анализу*, основанному на приложеніи поименованныхъ пріемовъ мышленія? Нѣтъ. Но, позвольте, какое же научное мышленіе возможно, да даже и житейское правильное, безъ упомянутыхъ пріемовъ, безъ *практическихъ навыковъ* въ нихъ? Грамматическое образованіе даже не обучаетъ правильному *выводному* пріему, какъ это обыкновенно полагаютъ. Точный выводной пріемъ требуетъ предварительно способности точнаго наблюденія признаковъ предметовъ, способности находить точно ихъ *сходства* и *различія*, чтобы безъ ошибки

умѣть отнести явленіе къ тому ряду или классу, отъ котораго дѣлается заключеніе. Но ученикъ классической школы, никогда въ этомъ не практиковавшійся, понятно, точно и правильно этого сдѣлать не можетъ. Давая только общія положенія для вывода, классическое образованіе пріучаетъ къ поверхностному выводному пріему, только къ развязности въ мышленіи, къ верхоглядству. *Послѣдствіе этого и наблюдается въ настоящее время во всѣхъ наукахъ: господство легковѣсныхъ гипотезъ и почти полное отсутствіе твердо обоснованныхъ индуктивныхъ общеположеній.* Точно такъ же и въ житейскомъ обиходѣ нашего умца отличаетъ удивительное отсутствіе критическаго дара. Въ его умѣ—что-то бабье, легковѣрное, лишенное потребности въ логическомъ доказательствѣ. Всякое вздорное ученіе, лишь бы оно поражало воображеніе, сейчасъ же захватываетъ его слабенькій умокъ, неспособный мало-мальски разобраться въ преподносимомъ теоретическомъ вздорѣ. Онъ больше чувствуетъ и вѣритъ, чѣмъ понимаетъ. Оттого его такъ удовлетворяютъ всякія *настроенія* въ искусствѣ, поэзіи, философіи (поразительно!), сценѣ и т. д., оттого онъ фанатикъ въ исповѣдуемыхъ имъ ученіяхъ. Посмотрите на нашихъ марксистовъ, ницшеніанцевъ, соціалистовъ, анархистовъ, декадентовъ. Это—все самые осатанѣлые фанатики. Не могу до сихъ поръ забыть дикой выходки одной барыни, очевидно декадентки, во время публичной лекціи врача Р. Онъ проводилъ параллель между произведеніями декадентовъ и психически больныхъ людей. Сходство получалось поразительное. Барыня вскакиваетъ, кричитъ

лектору „подлецъ"! и убѣгаетъ. Вотъ каковы итоги нашего средняго образованія: иностранныя воззрѣнія и вкусы, отсутствіе знанія родного и любви къ нему, поверхностный умъ, лишенный критическаго дара, неспособный къ точному и правильному мышленію, засоренная иностранными словами и исковерканная въ своемъ строеніи русская рѣчь, привычка къ пустому словоизверженію, вѣра въ отвлеченія, какъ въ сущности (совершенно ложная), полное отсутствіе способности наблюденія, анализа и пониманія окружающаго, полное отсутствіе практическихъ навыковъ и воли, роковая безысходная рефлексія. Посмотрите, не создаетъ ли все это тѣхъ „лишнихъ людей", которыхъ такъ много и мастерски изобразилъ *Чеховъ?* Не становится ли ясно, что средняя школа, устроенная патріотами *Катковымъ*, *Леонтьевымъ* и *Д. Толстымъ*, какъ разъ продолжала дѣло дворянскаго произрожденія нашего умства, т.-е. она еще болѣе объиностранила его, вырастившаго тотъ уродливый цвѣтокъ, который зовется *интеллигенціей*. А отъ нея въ свою очередь народилось *политическое митрофанство* съ его, увы!.. многочисленными представителями.

Изъ этого краткаго обличенья классической школы также ясно слѣдуетъ, что она не могла доставить своему народу *жизнеспособныхъ русскихъ дѣятелей*. Ихъ на самомъ дѣлѣ и нѣтъ. Все это больше зоологическіе типы, попугаи, обезьяны, звѣроподобные фанатики, болтуны, подражатели, но не дѣловой народъ, способный создавать и вести предпріятія, создавать и развивать общественныя

учрежденія. Сколько я перевидалъ начинаній нашихъ умцовъ! Въ громадномъ большинствѣ онѣ заимствовались съ запада, некстати и неумѣло вводились въ русскую жизнь и никогда не доводились до конца. Чрезъ непродолжительное время наступало крушенье, и причина его всегда была одна: предприниматели не понимали русскихъ условій своего предпріятія и неспособны были удержать жизненныя связи его въ своихъ рукахъ. Въ жизни они оказывались тѣми же безпомощными книжниками, какими они выходили изъ школы, нисколько неспособными ни понимать ее, ни управлять ею.

Не лучше обстоитъ и дѣло университетскаго образованія. Въ увлеченіяхъ задачами преподаванія чистой науки забывали, что университетъ на самомъ дѣлѣ подготовляетъ практическихъ дѣятелей. Изъ нихъ выдѣляется очень небольшой процентъ ученыхъ. Такимъ образомъ вся постановка образованія и преподаванія должна была бы сообразоваться съ требованіями жизни. Ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности. Въ университетѣ идетъ та же самая книжная буря, какъ и въ гимназіи. Преподается теорія только, какъ теорія, безъ всякаго отношенія къ жизни, преподносится въ своей рѣзко обособленной скорлупѣ. Методовъ преподаванія, которые были бы разчитаны на развитіе и воспитаніе спеціальнаго пониманія дѣла и умѣнья владѣть имъ, мало по какимъ отраслямъ существуетъ. Даже на медицинскомъ факультетѣ тратятъ краснорѣчіе при изложеніи предметовъ, которые можно усвоить только путемъ наблюдательнаго или нагляднаго обуче-

нія. Чрезъ нѣсколько лѣтъ зубристики студентъ подходитъ къ постели больного и ничего не понимаетъ, убѣждаясь, что все теоретическое знаніе его только прахъ. Четыре года юристъ сидитъ въ университетѣ надъ римскимъ правомъ, его исторіей, а по выходѣ изъ него долженъ уже въ жизни изучать русское право, чтобы стать русскимъ правовѣдомъ. Математикъ, историкъ, филологъ выходятъ изъ университета, чтобы сдѣлаться учителями, между тѣмъ никто изъ нихъ и понятія не имѣетъ, какое педагогическое значеніе ихъ предмета и каковы должны быть пріемы его преподаванія. То же самое наблюдается во всѣхъ другихъ высшихъ спеціальныхъ училищахъ—горномъ, инженерномъ, техническомъ и т. д. Необозримыя программы теоретическихъ курсовъ часто даже ненужныхъ предметовъ и крохотныя практическія знанія. Въ итогѣ—спеціалисты, стоившіе народу бѣшеныхъ денегъ, не умѣютъ создать и вести свои дѣла. Такъ, горные инженеры занимаютъ чиновничьи мѣста, а горныя богатства въ громадной массѣ остаются неразработанными или разрабатываются безграмотными старателями. Свои техники у насъ кончаютъ великолѣпные курсы и кладутъ зубы на полку, а на фабрики выписываютъ въ директора и техники иностранныхъ мастеровъ. Изъ высшихъ сельско-хозяйственныхъ заведеній выходятъ спеціалисты, не умѣющіе управлять имѣніями. Милліарды русскаго хлѣба все также добываетъ старушка-соха, какъ и 200 лѣтъ назадъ. Низшія техническія школы поставлены нѣсколько лучше, но и тамъ теорія заходитъ за границы своего назначенія.

Притомъ такихъ школъ сравнительно съ потребностью страны самое ничтожное количество. И это у насъ, такъ богатыхъ всякими необработанными продуктами и такъ бѣдныхъ технической переработкой ихъ. Увлеченіе общеобразовательными задачами до такой степени охватило наше умство, довело его до такихъ границъ недомыслія, что оно уже не можетъ видѣть всего, происходящаго вокругъ него. Во всемъ мірѣ царитъ техника: она обогащаетъ, она побѣждаетъ, она дѣлаетъ господиномъ и рабомъ, она всемогуща на землѣ. А наше умство, какъ маніакъ, мечется съ своимъ общимъ образованіемъ, съ своими сказками, и не соображаетъ, что, пока оно бредитъ, у русскаго народа отбираютъ иностранцы нефтеносныя земли, металлоносныя, всякія производства, и въ концѣ-концовъ мы можемъ оказаться завоеванными безъ всякой войны. Сказывается ли въ этомъ неосмысленномъ увлеченіи отвлеченнымъ, общимъ, общечеловѣческимъ, природная наклонность ума, или скорѣе оно навѣяно и воспитано долголѣтнимъ односторонне поставленнымъ образованіемъ? Какъ бы то ни было, но надо же наконецъ когда-нибудь понять, что жизнь сказокъ не любитъ и жить можно только сообразуясь съ ея законами. Человѣкъ — мечтатель въ жизни такъ же легко можетъ заблудиться въ двухъ соснахъ, какъ и щедринскій пошехонецъ, даже еще скорѣе. Кому охота пребывать въ такой искусственной головотяпости, пусть и пребываетъ. Но то же направленіе проводить даже въ народную школу, это уже преступленіе. Мнѣ разсказывали про одну такую на-

родную школу, гдѣ преподаютъ даже исторію искусствъ. Такое явленіе, конечно, карикатурно, но оно тѣмъ не менѣе облично. Мы постоянно слышимъ, какъ кричатъ: дайте больше книгъ крестьянину, книга его спасетъ. Между тѣмъ самъ крикунъ и не замѣчаетъ, что онъ самъ-то отъ книгъ погибъ, сталъ мертвъ, неспособенъ къ жизни, не въ состояніи даже различить, гдѣ правая и лѣвая сторона. Развитіе ума только при посредствѣ книжнаго образованія—великое зло, а не польза. Человѣкъ живетъ среди предметнаго міра. Все его мышленіе получило свои корни изъ послѣдняго. Оно произродилось отъ закономѣрныхъ соотношеній предметнаго міра, а потому и образованіе приготовляетъ правильный умъ, способный руководить чоловѣка въ жизни, только тогда, когда и *первоначала, и средства своего построенія и выполненія беретъ изъ того же предметнаго міра*. Съ другой стороны, свойства человѣческихъ *способностей* таковы, что онѣ требуютъ для своего развитія *непремѣнно раздѣльнаго упражненія*. Это два основныхъ принципа, неизбѣжно обязательныхъ при постановкѣ образованія и совершенно пренебреженныхъ въ нашихъ высшихъ и низшихъ школахъ. Въ нихъ образованіе исключительно *книжное*, т.-е. далеко отъ предметнаго міра, а *раздѣльное упражненіе способностей* совсѣмъ почти отсутствуетъ. Если къ этому прибавить *иностранность* школы, то ясно будетъ, что ученики ея совсѣмъ непригодны для русской жизни, для ея развитія тѣмъ болѣе; они просто *маринованные на иностранномъ уксусѣ мечтатели*. Полное безсиліе отличаетъ ихъ въ

жизни. Такой же маринадъ наши умцы стремятся сдѣлать и изъ народа. Но это было бы для него совершенной пагубой. Для его реальной жизни нужны реальныя знанія. Только при такомъ условіи и разовьется его культура, слѣдовательно и всей страны. Притомъ совершеннѣйшій вздоръ, будто нельзя достигнуть общаго развитія при изученіи какой-нибудь ограниченной области знанія. Нельзя это только при неумѣлости преподавателя. Каждое маленькое явленіе имѣетъ безконечныя точки соприкосновенія со множествомъ другихъ явленій и многочисленныхъ вопросовъ. Объясняя на огородѣ ростъ яблони, учитель съ успѣхомъ межетъ разъяснить біологическіе законы. Но, читая въ классѣ объ этихъ законахъ, онъ никогда не научитъ садоводству. Пора, дозарѣзу пора бросить душныя школы съ ихъ книжной мертвужиной. Надо учить въ жизни самой жизни и живымъ словомъ. Книжку надо оставить какъ неизбѣжное вспомогательное средство. Тогда только образованіе народа поведетъ къ повышенію культуры, и поведетъ быстро и производительно. Теперешняя же народная школа—такая же мертвая, какъ и средняя и высшая. Она стоитъ особнякомъ, въ сторонѣ отъ крестьянской жизни, никакими жизненными связями съ нею не соединена, и потому все въ ней преподанное отмираетъ, какъ только ученикъ выходитъ за ея стѣны. Даже самая грамотность въ своемъ значеніи остается для него темной и излишней. За 40 лѣтъ своего существованія земская школа дала народу очень ничтожную долю того, что она могла бы дать, если бы была

организована на цѣлесообразныхъ и правильныхъ началахъ.

Такимъ образомъ вся наша школа въ цѣломъ построена на основахъ ложныхъ и даже противныхъ требованіямъ русской жизни. Русская жизнь идетъ въ одномъ направленіи, а школа совершенно въ другомъ. Онѣ другъ друга не понимаютъ. Онѣ другъ другу не только не нужны, но даже гораздо хуже: ихъ насильственный бракъ есть и будетъ роковымъ. Онъ ведетъ и будетъ вести къ внутренному разложенію и внѣшней немощи.

Еще хуже дѣло обстоитъ съ женскими школами. Столь же обширныя, какъ и курьезныя, программы женскихъ гимназій при отвратительномъ преподаваніи стоятъ будущимъ женамъ и матерямъ вѣрныхъ малокровія и истерики, въ отношеніи же знанія... ничего, кромѣ самомнѣнія и поверхностнаго сужденія. Въ итогѣ получается истеричка жена со всѣми ея бурными и грубыми капризами, да никуда негодная мать, если только она остается еще способной родить.

Высшее образованіе получается на разнообразныхъ женскихъ курсахъ: медицинскихъ, педагогическихъ и общеобразовательныхъ. Врачъ - женщина и учительница несомнѣнно нужны, а потому и курсы для нихъ желательны. Что же касается общеобразовательныхъ, то врядъ ли они имѣютъ другое значеніе, кромѣ клубнаго. Для богатой дѣвушки такое препровожденіе времени еще допустимо. Но вѣдь у насъ на этихъ курсахъ на три четверти бѣднота, вытягивающая изъ содержанія семьи послѣдніе гроши. Нерѣдко посту-

паютъ на курсы матери съ 2—3 дѣтьми на рукахъ, живутъ впроголодь. Отнимается здоровье не только у матери, но и ея дѣтей. Чѣмъ эти блѣдныя малютки виноваты, что мамаша не хочетъ отстать отъ моды, несомнѣнно только моды? Въ то время, какъ нѣмецкія и французскія жены и дочери личнымъ домашнимъ трудомъ стараются сократить расходы семьи и непосильныя траты отца-кормильца, русскія вытягиваютъ изъ него послѣдніе соки, чтобы пріобрѣсть мнимыя знанія, а въ сущности для большинства, чтобы удовлетворить своей праздности, наполнить свой преступный досугъ. Тѣже изъ курсистокъ, которыя идутъ ради знаній, получаютъ на самомъ дѣлѣ только обрывки изъ нѣсколькихъ наукъ, ни къ чему непригодные. Двигать науку съ такимъ запасомъ онѣ не могутъ, между тѣмъ здоровье несомнѣнно теряютъ. А жизнь и природа берутъ свое. Семьдесятъ пять процентовъ курсистокъ выходятъ замужъ съ надорваннымъ здоровьемъ и родятъ вырождающееся потомство. Остальные двадцать пять процентовъ поступаютъ или въ учительницы, или въ магазинщицы, или телефонистки, влача жалкое существованіе, благодаря разстроенному здоровью. Отъ всей ихъ мнимой учености остаются въ умѣ только туманности, а въ сердцѣ много неудовлетворенности и горечи разочарованія. Дѣйствительность гораздо сѣрѣе мечтаній разгоряченнаго мозга. Она требуетъ жизненнаго знанія, разнообразныхъ практическихъ умѣній, привычки къ порядку, смѣлости и крѣпкаго здоровья. Ничего этого въ книжкѣ не найдешь, а много потеряешь.

Плохо въ школѣ дѣло образованія, но еще хуже

дѣло воспитанія. Уже чрезмѣрная книжность образованія сама по себѣ вліяетъ дурно на волю человѣка, ослабляетъ ее, не развивая приспособляемости къ внѣшнему міру. Отсутствіе педагогическихъ игръ, спорта, ремеслъ, участія въ дѣлахъ домашняго обихода, образовательныхъ путешествій, прогулокъ дѣйствуетъ въ томъ же направленіи. Но что особенно скверно, это общій чиновничій строй управленія учениками. Школа имѣетъ громадное воспитательное общественное значеніе. Строй ея, основанный на принципѣ *личнаго подчиненія* вмѣсто *подчиненія своему долгу*, не можетъ дать государству надежныхъ гражданъ и дѣятелей. Уже въ школѣ у насъ воспитывается *русскій чиновникъ* со всѣми его отрицательными чертами и даже пороками. Между тѣмъ людей долга и чести она намъ не даетъ, какъ не даетъ людей порядка. Что же она даетъ? Маринованныхъ интеллигентовъ и мундирныхъ людей. Грустно дѣлать этотъ обзоръ. Въ цѣломъ вся наша школа, вся вообще, представляется мнѣ мрачной тучей, изъ которой льетъ на насъ ядовитый ливень, разъѣдающій нашъ народный организмъ. Кто же въ этомъ виноватъ? Кто виноватъ, что милліарды народныхъ денегъ истрачены и сотня милліоновъ тратится на никуда негодныхъ и даже зловредныхъ дѣятелей? Конечно, по обычаю скажутъ—правительство. Вѣдь оно всегда во всемъ виновато. Но будемъ же хоть немного справедливы. Изъ кого же это правительство состоитъ, какъ не изъ нашего же умства. Будемъ же рѣшительнѣе, посмотримъ прямо на свою кривую физіономію. Много мы виноваты передъ русскимъ народомъ, а въ школь-

ныхъ упущеніяхъ, можетъ быть, болѣе всего. Тутъ и стародержавцы, и новодержавцы одинаково старались, каждый сообразно съ своими воззрѣніями, внести въ школу какую-нибудь дурную черту.

Наконецъ, нельзя пропустить и еще одного недостатка всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеній *чрезмѣрнаго и неравномѣрнаго скученія занятій,* отчего громадный процентъ (до 75%) учащихся страдаетъ *мозговымъ переутомленіемъ.* Оно же въ свою очередь ведетъ къ развитію *неврастеніи* и *истеріи,* насытившихъ наше образованное общество такимъ количествомъ подобныхъ больныхъ, что оно уже само въ своей совмѣстной общественной дѣятельности и въ отношеніяхъ членовъ его другъ къ другу отличается неврастеническими и истерическими признаками. Но надо посмотрѣть на послѣдствія школьнаго переутомленія и съ другой точки зрѣнія. Въ настоящее время мы, врачи, замѣчаемъ массу явленій *вырожденія семей* среди нашего умства. Я не беру во вниманіе дворянскихъ семей, гдѣ вырожденіе можно видѣть почти въ каждой изъ нихъ. Явленіе—*грозное.* Въ простомъ народѣ мы тоже наблюдаемъ признаки *вырожденія* во многихъ мѣстахъ Россіи, но отъ другихъ причинъ—*отъ гнета нищеты, физическаго переутомленія при дурномъ питаніи, отъ алкоголизма и сифилиса.*

Къ сожалѣнію, гигіэническій школьный вопросъ у насъ затрогивается только въ литературѣ. Въ школахъ практически онъ разработанъ очень узко и односторонне. Ни общество, ни школьное начальство по своему невѣжеству въ этомъ дѣлѣ не предусматриваютъ бѣды. По обыкновенію будемъ ждать грома.

ГЛАВА III.

Религія.

Въ тѣсной связи съ воспитательной стороной дѣла стоитъ вопросъ о религіи. Отдѣльные люди могутъ быть нравственными и въ то же время безбожниками. Но нельзя отрицать громадной важности религіи для народной массы. Тѣ нравственныя основы, которыя тѣсно связаны въ народномъ умѣ съ религіозными воззрѣніями, вносятъ въ толпу тотъ великій порядокъ взаимоотношеній, безъ котораго не можетъ существовать общество. Оно обращается безъ него въ метущееся безпорядочное стадо. Правовой порядокъ обнимаетъ очень ничтожную часть взаимоотношеній и никогда не можетъ замѣнить нравственнаго порядка. Религіозныя воззрѣнія на послѣдній дѣлаютъ его священнымъ для народа, особенно глубоко вѣрующаго, каковъ нашъ народъ. Жестоко преступны попытки нѣкоторыхъ интеллигентовъ поколебать эту вѣру. Преступны слабость и равнодушіе духовенства, выпустившаго изъ рукъ своихъ бразды религіознаго воздѣйствія. Я уже не говорю о значеніи религіи, какъ о духовномъ наслажденіи, единственно доступномъ замученному бѣдой народу. Сколько надо имѣть въ душѣ жестокости, а въ умѣ дикости фанатика, чтобы рѣшаться разрушать эту святая святыхъ народной любви. Сколько въ то же время надо имѣть умственной апатіи, отсутствія сознанія своего долга, отсутствія пониманія его задачъ, чтобы довести религію отцовъ до того паденія, до котораго она дошла у насъ. Можно хранить чистоту

догмата, чистоту обрядности. Это хорошо и правильно. Но нельзя же думать, что этимъ исчерпывается вся задача священнослужителя по отношенію къ паствѣ. Жизнь человѣка наполнена такимъ количествомъ горя и радости, когда взоръ его невольно обращается къ небесамъ, что только нарочно закрывающій себѣ глаза можетъ не видѣть наступившаго времени для выполненія своего священническаго долга. Несмотря на нравственную убогость своей животной природы, человѣкъ все-таки всегда стремится выйти на путь христіанской любви. Надо много имѣть равнодушія къ своимъ обязанностямъ, чтобы не воспользоваться этимъ стремленіемъ и не направить его на путь религіи. Точно также священникъ долженъ быть не только горячо вѣрующимъ и сострадающимъ ближнему, но и просвѣщеннымъ мыслителемъ. Какъ много легковѣрныхъ умовъ сбивается съ религіознаго и нравственнаго пути матеріалистическими теоріями, принимая ихъ декораціи за дѣйствительность. Великій мыслитель, конечно, не можетъ быть безбожникомъ. Но значительный процентъ нашего умства состоитъ изъ очень микроскопическихъ мыслителей, совершенно лишенныхъ критической способности. Великолѣпныя теоріи матеріалистическаго мірозданія принимаются ими за истину миротворенія, между тѣмъ для каждаго нѣсколько критическаго ума ясно, что это только гипотетическій процессъ рожденія и развитія міра, а не разумъ и воля его творенія. Дѣло мыслителя-священника выяснять своей паствѣ, гдѣ лежитъ истина. Значитъ, не только проповѣдь христіанской любви должна пламенѣть на его устахъ,

но и ясная рѣчь о Богѣ-Творцѣ, обнаруженіе Его въ разумѣ и красотѣ мірозданія. Догматъ и обрядъ слѣдуютъ за всѣмъ этимъ и есть только воплощеніе вѣры, внѣшнія, привычныя для народа, формы обращенія къ Божеству. Онѣ даютъ настроенія и удовлетворяютъ его, но не заполняютъ ума и сердца тепломъ и свѣтомъ Божественнаго начала.

Выходите изъ своего футляра, завернутаго въ запыленный славянскій коленкоръ, зажигайте живымъ русскимъ словомъ святое чувство и священную мысль; не ищите чудесъ человѣческихъ, когда весь міръ наполненъ чудесами Божескими, умѣйте истолковать ихъ только и освѣтить свѣтомъ истины и любви. Пусть небо и солнце, и звѣзды, и твари земныя хвалятъ имя Его. Пусть сердце и разумъ человѣческій смирится и замлѣетъ передъ величіемъ Божественнаго въ земномъ. Въ своемъ легкомысленномъ самообожаніи человѣкъ дѣлаетъ себя законодателемъ божественнаго, вѣру превращаетъ въ науку, какъ будто онъ могъ бы понять ее своимъ земнымъ умомъ, если бы она даже существовала. Оставьте холодную науку людямъ науки, а сами, пастыри, примѣромъ своей жизни, горячимъ словомъ и пламеннымъ чувствомъ своей вѣры зажигайте сердца людей, зажигайте пламя любви, очищайте ихъ умъ созерцаніемъ Божественнаго въ земномъ. Пусть обликъ Провозвѣстника любви, Законодателя христіанской нравственности, будетъ вамъ свѣточемъ, освѣщающимъ ваше великое и святое дѣло.

Но если вы только въ обрядѣ и догмѣ думаете видѣть границы вашихъ дѣлъ и обязанностей, оставьте

лучше ваше *святое мѣсто* и ищите *теплаго мѣстечка*. Но вотъ въ томъ-то и дѣло: свершилось ужасное, роковое! Святое мѣсто провозвѣстника и истолкователя Божественной правды и любви уже давно превратилось въ теплое мѣстечко, давно оцѣнивается доходомъ. Оно отдается по наслѣдству на прокормленіе брачущейся парѣ, а не провозвѣстнику Божественной правды и любви. Офиціальное положеніе, офиціальная отвѣтственность, офиціальное праздничное слово, такса на рожденіе и смерть, такса на религіозные восторги души, такса за очищеніе ея отъ грѣховъ...

Что же можетъ изъ всего эгого выйти? А то, что выходитъ: религія отмираетъ. Народъ отъ нея уходитъ въ секты, расколъ и безвѣріе. Она теряетъ надъ нимъ духовную власть. Народъ теряетъ въ ней руководительницу своей нравственности. Послѣдняя все падаетъ и падаетъ. Любовь къ ближнему, главное начало ея, замѣняется звѣринымъ инстинктомъ злобы и недовѣрія другъ къ другу. Все болѣе становится вѣрнымъ дохристіанское изреченіе, что человѣкъ человѣку волкъ. Общество не замѣчаетъ, какъ оно мало-по-малу впадаетъ въ самое ужасное междоусобіе, благодаря потерѣ христіанской нравственности! Оно не замѣчаетъ, что высшіе образованные слои народа потеряли религію отцовъ и уже не связаны ею съ громадой простого народа. Русскій народъ распался на чуждыя другъ другу части и по иностранному образованію, и по иностраннымъ политическимъ воззрѣніямъ, и по религіи. Въ немъ нѣтъ болѣе единства, еще болѣе: наступилъ полный разладъ.

Въ то время, какъ распадалась религія въ средѣ образованныхъ классовъ, среди нихъ образовались многоразличныя міровоззрѣнія, какъ бы основанныя на научныхъ взглядахъ. Конечно, сами эти взгляды не мало способствовали распаденію господствующаго вѣроученія, кромѣ упомянутаго вырожденія религіи въ догматизмъ и обрядность.

Позитивизмъ и матеріализмъ тянули—ложно понятые—человѣка къ землѣ, идеализмъ ставилъ его чуть не на божественную высоту.

Религію посадили между двухъ стульевъ. Философствовавшихъ не удовлетворяла болѣе поэзія ея, выросшая на преданіи. Человѣческое въ ней они не въ состояніи были отличить отъ Божескаго и нерѣдко въ своей критикѣ смѣшивали одно съ другимъ. Въ умахъ образовалась необыкновенная путаница воззрѣній на религіозныя основы. Отъ христіанства остались только нѣкоторые обряды, вросшіе въ общественный обиходъ, и нѣкоторые нравственные навыки. Но и это понемногу исчезаетъ изъ жизни.

Между тѣмъ человѣкъ, даже достигшій величайшей высоты современнаго знанія и умственной силы, въ рѣшеніяхъ вопроса о Богѣ и душѣ также мало можетъ сказать, какъ самый простой человѣкъ много тысячелѣтій тому назадъ. Рѣшеніе веществовѣдовъ (матеріалистовъ), что міръ развился изъ матеріи въ силу присущихъ ей законовъ роста, такая же вѣра, какъ и та, что міръ созданъ Богомъ. Мы не знаемъ что такое—вещество. Намъ извѣстны только коекакія явленія его состоянія. Въ то же время человѣкъ видитъ безконечный разумъ, красоту и волю,

проявленныя въ міротвореніи. А эти свойства заставляютъ его признать въ творцѣ существо и, по ихъ безконечному величію, Величайшее Существо, т.-е. Бога. Поэтому онъ вѣритъ въ живого Бога-Творца міра. Съ научной точки зрѣнія, это—тоже гипотеза. Но ее составило все человѣчество, и въ ней несомнѣнно больше заложено проницательности и послѣдовательности мысли, чѣмъ въ ученіи матеріалистовъ, которое въ сущности нисколько не опровергаетъ человѣческую вѣру въ Бога-Творца. Приписывая веществу безконечность разума, красоты и воли въ его проявленіяхъ, матеріалистъ приписываетъ ему божественныя качества. Другими словами, онъ признаетъ вещество воплотившимся божествомъ. Такимъ образомъ онъ видоизмѣняетъ только ученіе о Богѣ-Творцѣ. Но, если онъ отрицаетъ разумъ и волю въ міротвореніи, т.-е. цѣлесообразность, онъ отрицаетъ дѣйствительность, фактъ. Въ такомъ видѣ матеріализмъ не имѣетъ даже права считаться научной гипотезой. Въ вопросѣ о цѣлесообразности, замѣчаемой въ мірозданіи, многихъ сбиваетъ узко и неправильно понимаемое ученіе о причинности. Говорятъ, нѣтъ цѣлесообразности явленій, а есть причинность ихъ. Но вѣдь это только слова: закономѣрность причинности даже въ томъ видѣ, какъ она открывается намъ теперь, взятая въ громадномъ масштабѣ, представляется безпристрастному уму несомнѣннымъ планомъ мірозданія, т.-е. цѣлесообразнымъ предписаніемъ, какъ ему жить и расти.

Въ другую крайность или односторонность впадаютъ духовѣды, спиритуалисты и идеалисты. Въ

противоположность матеріалистамъ они человѣка чуть не обожествляютъ. Ученики *Гегеля* доходятъ до того, что считаютъ видимый міръ построеннымъ по человѣческой мысли. На самомъ дѣлѣ зависимость какъ разъ обратная. Духъ человѣка они стараются непремѣнно запрятать въ одинъ изъ умственныхъ кармановъ. Даже многіе изъ современныхъ физіолого-психологовъ *сознаніе*, представляющее собою только извѣстную степень напряженія психическаго процесса, считаютъ проявленіемъ духа. Но надо начать съ того, что мы собственно и не знаемъ ровно ничего о духѣ. Если его опредѣляютъ, какъ сущность внѣ времени и пространства, то это только *незаконное противоположеніе* матеріи, а не *опредѣленіе*. Незаконно же оно вдвойнѣ. Во-первыхъ, во времени и пространствѣ происходитъ только *явленіе* матеріальное, и то настолько, насколько это обусловливается ограниченными свойствами человѣческаго наблюденія. Если же мы обратимъ вниманіе на безконечное прошлое произрожденія такого явленія и на безконечное будущее его превращенія, т.-е. на вѣчность матеріи, то и вещество уже не является чѣмъ-то конечнымъ, ограниченнымъ временемъ и пространствомъ. Такимъ образомъ опредѣленіе духа неправильно, потому что это есть не опредѣленіе, а противоположеніе, но и противоположности нѣтъ, потому что вещество тоже вѣчно и безконечно. Во-вторыхъ, гдѣ мы видимъ соприкосновеніе человѣческаго разума, признаваемаго за духовное начало, съ матеріей: напр., въ воспріятіи и мышленіи, намъ представляется достаточно данныхъ, говорящихъ за родство разума и матеріи. Само

воспріятіе впечатлѣній совершается черезъ посредство органовъ чувствъ, очевидно приспособленныхъ къ превращенію внѣшняго движенія (свѣтъ, цвѣтъ, форма, звуковыя движенія...) во внутреннія, психическія. Слѣдовательно, органы чувствъ играютъ роль трансформаторовъ, обличая въ психическомъ процессѣ сродство съ внѣшними силами. Точно такъ же въ мышленіи, въ его формѣ и содержаніи, нѣтъ ничего, чего бы не было во внѣшнемъ мірѣ. Наоборотъ, исторія наукъ указываетъ, что въ мірѣ много такого, чего нѣтъ въ нашемъ умѣ, но что со временемъ имъ усвоивается. Если прослѣдить развитіе мышленія во всемъ животномъ царствѣ, отъ низшихъ его видовъ до совершенства человѣческаго разума, то нельзя не замѣтить полнаго соотвѣтствія между совершенствомъ строенія и отправленія органа мышленія. Болѣзненныя измѣненія въ мозгу указываютъ неизмѣнно на ту же самую связь. Мы не можемъ закрывать глаза и не признавать того, что очевидно. Психическія явленія имѣютъ мѣсто только въ мозгу. Психическій процессъ требуетъ времени на свое завершеніе. Его можно измѣрить. Такимъ образомъ онъ совершается во времени и пространствѣ. Другими словами, онъ родственъ съ матеріальными явленіями. Наше мышленіе такъ же условно и ограничено, какъ и наша организація. Прятать душу человѣка въ его умственной области мы не имѣемъ никакихъ основаній. Но и отрицать ее въ человѣкѣ, да и въ животныхъ, мы не можемъ, какъ дѣлаютъ это матеріалисты. Общее сознаніе всего человѣчества признаетъ *одушевленіе* человѣка, какъ и всѣхъ живыхъ существъ, т.-е. присутствіе въ жи-

выхъ организмахъ особаго одушевляющаго начала, высшее проявленіе котораго выражается особенной степенью развитія умственной и нравственной областей. Но это не значитъ, чтобы мы имѣли основанія къ признанію особаго духа, умнаго и нравственнаго, воодушевляющаго человѣка. Умъ и нравственность благопріобрѣтены, хотя и представляютъ высшій земной порядокъ явленій. Наука сама не знаетъ, въ чемъ заключается одушевленіе организма. Но судьба жизни человѣческой, выходящей изъ тайниковъ безконечнаго прошлаго, развивающейся изъ жизни одной клѣточки въ жизнь высоко разумнаго существа, не можетъ быть объяснена только видимыми нами процессами. Точно такъ же стремленіе человѣка къ Божественной истинѣ, узаконенное Богомъ очевидно намѣренно, такъ выдѣляется на всемъ фонѣ его существованія, что мы невольно останавливаемся на предположеніи, о чемъ-то еще, стоящемъ за его органическими процессами, намъ невѣдомомъ и приближающемъ его судьбу къ Божественному началу. Оно не противоположно веществу, а скорѣе родственно съ нимъ, но можетъ, повидимому, существовать и отдѣльно. Въ самомъ дѣлѣ, наука учитъ, что въ природѣ ничто не пропадаетъ. Почему же человѣкъ, доросшій до такого величія умственнаго и нравственнаго, долженъ безслѣдно погибнуть? Если бы это было такъ, мы имѣли бы странное исключеніе изъ общаго міроваго закона, притомъ исключеніе для высшей изъ энергій въ природѣ. Между тѣмъ умираетъ человѣкъ, остается только его прахъ. Тѣло его разрушается. Но куда же дѣвается та энергія, которая

дѣлала его столь могучимъ? Она не можетъ безслѣдно исчезнуть. Вотъ противорѣчіе въ грубо научномъ смыслѣ. Чтобы выйти изъ него, мы должны допустить продолженіе существованія человѣческой энергіи, души его, и послѣ смерти его организма. Въ какомъ видѣ это совершится, стремятся рѣшить религіи. Это дѣло вѣроученій. Съ другой стороны, если Богъ создалъ человѣка такъ, что онъ стремится понять Его въ дѣлахъ Его, въ этомъ самомъ событіи уже выражается воля Творца приблизить къ себѣ человѣка, допустить его до того либо другого вида общенія съ Собой. Все человѣчество и безъ разсужденія чувствуетъ это и стремится къ общенію съ Божествомъ въ доступной ему формѣ. Въ своей жаждѣ стать ближе къ Божеству лучшая часть человѣчества старается всесторонне совершенствоваться. Намѣтивъ грѣховное и праведное, люди осуждаютъ первое и стремятся къ послѣднему. На этомъ пути они встрѣчаютъ много преградъ и главнымъ образомъ въ своей несовершенной природѣ. Отсюда ложная проповѣдь умерщвленія плоти вмѣсто ея усовершенствованія.

Видя, съ одной стороны, явное доказательство своей избранности Божествомъ, видя, съ другой стороны, невозможность приблизиться къ Нему благодаря несовершенству своей земной природы, человѣкъ приходитъ къ мысли, что при прекращеніи его земного существованія душа его въ иномъ, болѣе совершенномъ, воплощеніи приблизится къ Богу. Отсюда вѣра въ образъ загробной жизни.

На землѣ общеніе съ Божествомъ, ограниченное

несовершенствомъ человѣческой природы, совершается или путемъ церковной обрядности, въ которой человѣкъ *по-своему* стремится къ общенію съ Богомъ, или путемъ познаванія окружающаго его міра, слѣдовательно дѣлъ Божіихъ, а потому и мыслей Его. Поэтому глупо и скверно дѣлаютъ тѣ, кто насмѣхается надъ обрядностью, какова бы она ни была. Она свята, такъ какъ есть образъ обращенія къ Богу. Ошибочное недоразумѣніе также со стороны тѣхъ, кто въ изученіи природы видитъ отвлеченіе отъ Божественнаго. Въ радостномъ умиленіи молитвеннаго настроенія и въ восторгахъ удивленія передъ разумомъ и красотою творенія міра человѣкъ одинаково живетъ чистымъ и высокимъ наслажденіемъ общенія съ Богомъ.

Все это отступленіе въ область основъ вѣроученій я долженъ былъ сдѣлать, чтобы добыть слѣдующія положенія:

1) Широко понимаемый матеріализмъ говоритъ за признаніе Бога и души, а потому и за религіи.

2) Нѣтъ никакихъ основаній смотрѣть по примѣру спиритуалистовъ и идеалистовъ на душу человѣка, какъ на духъ противуположный матеріи. Душа и вещество скорѣе родственны, но природа того и другого намъ неизвѣстны: мы знаемъ только ихъ явленія.

3) Умъ и нравственность пріобрѣтены нами путемъ познаванія міра. Такъ какъ законы мірозданія поставлены по разуму и воли Бога, то и усвоенное нами (умъ и нравственность), въ размѣрѣ, допускаемомъ несовершенствомъ нашего познаванія, стремится приблизиться къ Божественной истинѣ.

Итакъ, крайности матеріализма и идеализма отвлекли насъ, человѣчество, отъ настоящаго правильнаго пути, открытаго христіанствомъ. Одни хотятъ лишить его радостей обряднаго молитвеннаго общенія съ Богомъ, высокаго стремленія понять Его въ дѣлахъ міротворенія; они осмѣиваютъ его нравственный порядокъ, который скрѣпляетъ весь общественный строй, а взамѣнъ совѣтуютъ слѣдовать принципамъ необузданности, вытекающимъ изъ ихъ куцыхъ гипотезъ, ученыхъ гримасъ, которыя они выдаютъ за непреложныя истины науки. Другіе, идеалисты, въ своемъ горделивомъ самомнѣніи увлекаютъ человѣчество въ туманную область несбыточныхъ *отвлеченій*, такъ называемыхъ *идеаловъ*, изъ его области земныхъ задачъ. Они совершаютъ почти то же зло, что и матеріалисты. Идеалисты также разрушаютъ нажитое человѣчествомъ путемъ естественнаго роста, давая взамѣнъ лѣстницу безъ ступень для достиженія на землѣ неземныхъ идеаловъ. Они забываютъ, что идеалъ—только *отвлеченное представленіе*. Звать къ свободѣ и не давать ея жизненныхъ формъ, т.-е. такихъ, которыя могли бы сростись съ другими проявленіями общественной организаціи, значитъ звать къ разнузданности, къ анархіи! Что можетъ быть выше любви, безусловной любви всѣхъ и вся. Но если такая любовь не управляется разумомъ, т.-е. не выливается въ жизни въ формахъ, предусматривающихъ вредъ и пользу для любимаго человѣка, она можетъ сдѣлать ему зло вмѣсто добра. Вотъ вамъ: добро́, дѣлаемое бѣднотѣ безъ толку, размножаетъ дармоѣдовъ и бездѣльниковъ; безумно любящая

мать губитъ нравственно и физически свое единственное дитя; безумно любящій мужъ портитъ свою жену, или наоборотъ, и т. д., и т. д. Жизнь не терпитъ безусловности. Она требуетъ живой формы, органически въ ней выростающей, а не мертваго отвлеченія. Ученіе Л. Н. Толстого никогда не можетъ привиться къ жизни, оттого что оно слишкомъ отвлеченно. Подобныя ученія могутъ дѣйствовать только разрушительно, какъ мы это видимъ на примѣрѣ духоборовъ.

Точно такъ же и современная церковь, выродившись въ догматизмъ, выродилась въ мертвую форму. Догматъ—формула ученія о Божественномъ. Толпѣ, простой, онъ не нуженъ, для нея онъ нѣмъ и мертвъ. Толпѣ нужна живая струя вѣры, приподнятой горячимъ словомъ и искреннимъ примѣромъ.

Толпѣ нужна, необходима обрядность, но обрядность благоговѣйная, соотвѣтственная ея умиленному и восторженному настроенію, а не загрязненная корыстолюбивыми цѣлями и чиновничьимъ отношеніемъ къ ней. Всѣ эти особенности современной Церкви отталкиваютъ отъ нея. Въ итогѣ онѣ подготовляютъ, оставляя пустое мѣсто, почву для разрушенія религіозно-нравственнаго строя теперешняго общества ученіями сектантовъ, матеріалистовъ и абсолютистовъ. Крѣпкія религіозно-нравственныя связи, соединявшія русскій народъ въ сплоченную, стойкую силу, рушатся. А чѣмъ ихъ замѣнить?

На этотъ вопросъ современная русская жизнь даетъ отвѣтъ, только отрицательный. Она представляетъ только явленія разрушенія. Посмотримъ, не най-

демъ ли чего въ литературѣ, которая должна по существу своей задачи не только критиковать жизнь, но и создавать ея переспективы, учить.

ГЛАВА IV.

Литература.

Русская литература занимаетъ несомнѣнно почетное мѣсто среди литературъ западныхъ народовъ. Она блещетъ не только многочисленными талантливыми произведеніями, но и многими геніальными. Но какая эта литература? Главнымъ образомъ беллетристика. Ученая литература—небольшая, по техникѣ—ничтожная, по педагогикѣ чуть не отсутствуетъ. Громадная переводная литература—по разнымъ отраслямъ и въ особенности опять-таки по беллетристикѣ. Что читается больше всего въ общественныхъ библіотекахъ? Она же. Русскія ученыя сочиненія не раскупаются ни по одной изъ научныхъ отраслей. Какъ уже было указано раньше, они, помимо отсутствія расположенія читать ихъ, не читаются по недовѣрію къ нимъ. Иностранныя статьи того же значенія, но нерѣдко худшаго достоинства, прочитываются въ большомъ числѣ. Опять сказывается рабское подчиненіе западнымъ авторитетамъ.

Посмотримъ сперва, что даетъ русская беллетристика. Главная черта ея—описаніе отрицательныхъ типовъ; положительные рѣдки и изображаютъ собой только добрыя, мягкія натуры, нерѣдко склонныя къ самопожертвованію. Людей сильной воли, необыкно-

венной инициативы, ворочающихъ большими дѣлами, русскій писатель не замѣчаетъ. Почему это? Нѣтъ ихъ на самомъ дѣлѣ или ему они не по душѣ: онъ не старается замѣтить, не ищетъ. Весьма сомнительно, чтобы ихъ не было. Области военная, административная, врачебная, земская, заводская, торговая, общественная выдѣлили за это время и прошлое, если соразмѣрно и небольшое, то все-таки немалое количество сильныхъ людей, которые могли бы дать сборище достаточное для изображенія типичныхъ ихъ представителей положительнаго свойства. Между тѣмъ русскій писатель ихъ не отмѣтилъ. Онъ изобразилъ и изображаетъ скорѣе и съ большей охотой явленія вырожденія и крайняго упадка нравовъ, ума, воли. Что знаменательно, большинство этихъ разлагающихся представителей русскаго общества— изъ нашей несчастной интеллигенціи. Нельзя сказать, чтобы такія изображенія не соотвѣтствовали дѣйствительности. Но вѣдь Россія не состоитъ изъ одной только интеллигенціи! Она составляетъ сравнительно небольшую часть русскаго народа. Отчего въ литературѣ нѣтъ типовъ простолюдиновъ, поражающихъ всякаго даже поверхностнаго наблюдателя своей способностью создавать изъ маленькаго дѣла большое, способностью держать его крѣпко въ своихъ рукахъ? Кѣмъ держится наша торговля? Ими. Кѣмъ держится подрядческое дѣло? Ими. Кѣмъ создано и держится наше фабричное дѣло? По преимуществу ими. Простолюдинъ въ литературѣ извѣстенъ только подъ именемъ „сѣрой скотины“ или „чумазаго“. Но эта „сѣрая скотина“ почти только на сво-

ихъ плечахъ несетъ милліардный бюджетъ русскаго государства, образовываетъ и кормитъ все русское умство, своимъ беззавѣтнымъ геройствомъ защищаетъ нашу цѣлость и своими громадными внутренними силами исправляетъ и покрываетъ наше интеллигентное безсиліе во всѣхъ областяхъ нашей государственной бездѣятельности. Я, впрочемъ, сдѣлалъ существенный пропускъ: не „сѣрая скотина“, а „святая сѣрая скотина“. Здѣсь еще болѣе яда презрѣнія, снисхожденія, насмѣшки. Когда вспоминаешь душевную разслабленность нашей интеллигенціи и эту грязненькую насмѣшку надъ простымъ народомъ, невольно вырисовывается въ памяти образъ прогрессивнаго паралитика. Онъ тоже, страдая маніей величія, наклоненъ къ злымъ насмѣшкамъ.

Между прочимъ важно отмѣтить одно очень распространенное явленіе. Дѣти большихъ дѣльцовъ изъ народа и купечества, получившіе образованіе въ нашихъ среднихъ и высшихъ школахъ, весьма часто совершенно утрачиваютъ способность вести дѣло своихъ отцовъ. Они болѣе или менѣе разоряются. И это не случайность. Несомнѣнно современная педагогическая организація нашихъ школъ такова, что иначе и быть не можетъ. Я уже раньше толковалъ, что развитіе ума только при посредствѣ книжнаго образованія—коренное зло, а не польза. Человѣкъ живетъ въ мірѣ реальностей, въ немъ же только онъ можетъ и научиться реальному мышленію, нормальной воспріимчивости, здоровой волѣ. Между тѣмъ современное образованіе выполняется въ замкнутой искусственной средѣ, книжно, словесно, от-

влеченно, совсѣмъ не изучаетъ современной жизни въ ея дѣйствительности. Если прибавить къ этому иностранность школы, то ясно будетъ, что питомцы ея совершенно не пригодны для русской жизни, для ея строительства тѣмъ болѣе. Русскаго въ нихъ остается только чиновничья складка, остальное все— иностранный маринадъ. И этого маринада въ нашемъ умствѣ почти поглощающій процентъ. Въ качествѣ русскаго дѣятеля нашъ умецъ, этотъ неисправимый мечтатель, никуда негодный матеріалъ. Да и вообще, какъ какой угодно дѣятель, онъ мертвый книжникъ, ни на какое дѣло неспособный. Полное безсиліе отличаетъ его въ жизни, а въ крупной борьбѣ, какъ японская война, тѣмъ болѣе.

Въ литературѣ, преимущественно описывающей интеллигентовъ изъ дворянъ и не-дворянъ, именно и отражается это безволіе общественныхъ представителей и отсутствіе положительныхъ типовъ. Да и сами писатели изъ тѣхъ же маринованныхъ интеллигентовъ. Ихъ расположеніе и нерасположеніе наблюдать, замѣчать, выбирать жизненныя явленія въ значительной степени опредѣляется ихъ вкусами и способностями, воспитанными въ ложно поставленной школѣ. Ихъ не занимаетъ дѣловая жизнь народа, а только душевное броженіе русскихъ неудачниковъ— интеллигентовъ. Это скорѣе психіатрическіе этюды въ образахъ —вотъ русская беллетристика. Она талантлива, вѣрна дѣйствительности, но она далека отъ нормальной жизни народа. Она въ высшей степени одностороння: не охватываетъ русской жизни въ громадной ея части, не протаптываетъ новыхъ путей,

не показываетъ свѣтлыхъ маяковъ въ видѣ вдохновляющихъ типовъ, къ которымъ могъ бы стремиться читатель,—она не создаетъ переспективы. Она, можетъ быть, даже навѣрно, поучительна въ своемъ анализѣ душевно больныхъ людей, но и только. Остальной части русской жизни она не знаетъ, не понимаетъ, не замѣчаетъ, ничего для нея не создала и долго не создастъ. Изъ этого сжатаго очерка видно, что изящная литература наша можетъ только вселить въ насъ недовѣріе и отвращеніе къ самимъ себѣ. Но этого чувства у насъ, кажется, уже болѣе, чѣмъ нужно. Дайте же намъ отдохнуть на чемъ-нибудь свѣтломъ, яркомъ, но правдивомъ. Дайте намъ вѣру въ самихъ себя, которую вы всячески истребляете. Раскройте предъ нами и покажите тотъ нашъ родникъ, который даетъ намъ безсмертныхъ героевъ, замѣчательныхъ дѣльцовъ изъ народа, цѣлый сонмъ забитыхъ и забытыхъ изобрѣтателей, великихъ художниковъ, актеровъ, мировыхъ писателей, откройте тотъ русскій геній, который вы затоптали такъ безумно и преступно своими заграничными башмаками. Помогите ему выбраться изъ иноземныхъ тенетъ на просторъ русскихъ полей, лѣсовъ и морей. Пусть онъ, ободренный, расправитъ свои крылья, мощно взмахнетъ ими и полетитъ своимъ широкимъ размахомъ.

Грѣхъ, большой грѣхъ русскаго умственника его раболѣпіе передъ иностраннымъ геніемъ и пренебреженіе, если не издѣвательство, надъ своимъ роднымъ, русскимъ. Если каждый болѣе или менѣе талантливый человѣкъ вноситъ въ жизнь человѣчества, въ его творчество, нѣчто такое, чего другой не можетъ

внести, то тѣмъ болѣе это вѣрно по отношенію къ цѣлому народу. Почему же мы хотимъ насильно самихъ же себя вырвать изъ области этого закона? Почему мы всякими принципіальными и практическими мѣрами стараемся заглушить проявленія, затормозить развитіе своего національнаго генія? Національность, развитіе ея особенностей, имѣютъ громадное значеніе не только для нея самой, но и для прогресса всего человѣчества. Мы не можемъ дать того, что даетъ нѣмецъ, французъ, англичанинъ, но они не дадутъ человѣчеству того, что далъ, даетъ и дастъ русскій. Въ своемъ отвлеченномъ космополитизмѣ и рабскомъ трепетѣ передъ Европой нашъ интеллигентъ дошелъ до безумія фанатика, изступленно наносящаго себѣ кровавыя раны. Въ этомъ повседневномъ, неустанномъ преклоненіи предъ иноземнымъ, въ этомъ подставленіи себя и своихъ иностранцамъ для заушеній что-то подло-холопское, омерзительно приниженное. Тутъ не только отсутствіе сознанія народности, отсутствіе даже сознанія достоинства человѣка. Это какіе-то космополитическіе пустые футляры отъ человѣка, въ которые каждому иностранцу дозволяется побарабанить и даже поплевать. Возьмите сообщеніе „Новаго Времени“ отъ 10-го сентятря (1904 г.) изъ Калуги. Тамъ описывается чествованіе плѣнныхъ японцевъ въ общественномъ собраніи калужской интеллигенціей. Вѣдь это невѣроятная оргія холопскаго безличія! Сколько надо имѣть нравственнаго и умственнаго уродства, чтобы пойти на такое омерзительное добровольное самоуниженіе! Всей этой интеллигентной пошлости слѣдовало бы выйти на передо-

выя позиціи нашей сражающейся арміи въ самый пылъ битвы, чтобы видѣть десятки тысячъ раненыхъ и убитыхъ русскихъ, ихъ муки, страданія, угасающіе взгляды, блѣдныя уста, шепчущія послѣднее „прости“ своей женѣ, сестрѣ, брату. Вѣдь вы въ своемъ холопскомъ безличіи не понимаете, что цѣлуете руки азіата, обагренныя русской кровью, внесшаго въ вашу семью разореніе, оскорбленіе, насиліе, смерть. Куда вамъ понять, бездушные пустые футляры!

Вотъ эти-то пустопорожніе герои современной русской литературы берутъ на себя смѣлость преобразовывать нашу родину. Бѣдная Россія! Чтобы быть преобразователями, господа, вы должны наполнить ваши пустые футляры человѣкомъ дѣла, а не книжнымъ пустозвономъ, человѣкомъ съ высокимъ чувствомъ чести, а не европейской приживалкой, человѣкомъ, горячо любящимъ свою родину, а не плюющимъ на нее на всѣхъ перекресткахъ земного шара. А пока у васъ всего этого нѣтъ, ваши притязанія—только нахальство.

Такимъ образомъ беллетристика опять раскрываетъ только язвы, не указывая средствъ ихъ излѣченія.

Посмотримъ бѣгло на другую часть литературы—научную. Не мало она запутала и безъ того слабыхъ головъ нашихъ интеллигентовъ. По преимуществу обратимъ вниманіе на вліянія политико-экономическія и философскія. Около нихъ главнымъ образомъ затянулись узлы современныхъ общественныхъ воззрѣній и воздѣйствій.

Политическая экономія методически разработана

неправильно, и потому мало можно найти въ ней положеній неоспоримыхъ. Несмотря на это, она съ трогательной вѣрой въ ея непогрѣшимость изучается у насъ чуть ни грудными младенцами. Образовался у насъ рядомъ съ соціалистами и анархистами цѣлый лагерь марксистовъ. Если немножко измѣнить первую букву общаго окончанія, то получимъ много *цистовъ*, т.-е. русскихъ *пузырей*. Какой изъ этихъ пузырей злокачественнѣе, еще вопросъ. Но уже совершенная бѣда, если теоретическій пузырь вскочитъ на лбу его превосходительства. Его превосходительство обыкновенно—не теорія, а практика, направляющая жизнь. Послѣдняя же выноситъ только теоріи, взятыя изъ нея, а не изъ фантастической головы недодѣланнаго ученаго. Тутъ-то вся суть. Возьмемъ примѣръ. Съ одной стороны сельскохозяйственный исключительно строй экономической жизни народа, содержащаго все государство, съ другой стороны насильственное, непомѣрно ускоренное введеніе фабрично-заводскаго и капиталистическаго строя. Совершается эта ломка—иначе нельзя назвать—въ десятилѣтній срокъ. Что же изъ этого могло выйти? А то, что вышло. На десятокъ рублей иностраннаго капитала выкачены изъ тощаго народнаго кармана сотни рублей, поступившія въ толстую суму капиталиста-иностранца и фабриканта. Сельское населеніе обнищало. Настала пора окончательнаго *оскудѣнія центра*, и такъ уже давно захудавшаго отъ возмутительнаго по несправедливости и нерасчетливости кормленія окраинъ. Поднялась суматоха. Головотяпы съ университетскимъ и желѣзнодорожнымъ образованіемъ уставили перстъ въ лобъ

и стали думать. Пора, громъ грянулъ. А ужъ какой тутъ громъ! Цѣлый погромъ. Образовались многочисленныя комиссіи и комитеты изъ тѣхъ самыхъ провинціальныхъ знатоковъ-дворянъ, которые и свои-то помѣстья не сумѣли сберечь отъ крушенія. Зажужжалъ цѣлый рой болтуновъ, изрекая избитыя фразы о свободѣ, образованіи, уравненіи правъ и т. п. Наконецъ, всѣ эти книжныя премудрости были запротоколены, свезены въ Питеръ, гдѣ петербургскій чиновникъ, этотъ всероссійскій фельдшеръ русско-нѣмецко-чухонскаго происхожденія, составилъ или составитъ рецептъ для излѣченія экономическаго истощенія центра. Конечно, въ этотъ рецептъ войдутъ только тѣ рекомендованныя средства, которыя онъ сочтетъ подходящими съ своей фельдшерской точки зрѣнія.

Между тѣмъ съ врачебной, а не фельдшерской точки зрѣнія, врачеваніе должно итти другимъ путемъ. Когда врача призываютъ къ больному, страдающему истощеніемъ, онъ прежде всего изучаетъ предлежащій организмъ въ его прошломъ и настоящемъ состояніи, изучаетъ всю его прошлую и настоящую обстановку, всѣ условія его наслѣдственности и жизни, и уже потомъ, раскрывъ генезъ истощенія, приступаетъ къ раціональному лѣченію. Единственно, исключительно, такой же методическій пріемъ долженъ быть принятъ и при лѣченіи экономическаго истощенія. Здѣсь та же множественность причинъ и ихъ сочетаній. Ихъ связи надо раскрыть, и тогда только возможно раціональное лѣченіе. Но для этого надо въ точности и во всей подробности изучить

экономическіе недуги народа, какъ я выше изложилъ. Но кто же это сдѣлалъ? Нельзя же книжную болтовню будто свѣдущихъ дворянъ считать за изученіе экономической болѣзни народа. Прописываніе же рецепта всероссійскимъ фельдшеромъ противъ экономическаго истощенія народа при такихъ данныхъ имѣетъ видъ уже шарлатанства.

Я нарочно, говоря о политической экономіи, прямо перешелъ къ частному примѣру, чтобы показать, къ чему можетъ привести неосмысленная вѣра въ теорію, особенно если эта вѣра зародится въ умѣ его превосходительства. Построеніе политико-экономическихъ теорій, вѣрнѣе говоря гипотезъ, неправильно въ методологическомъ смыслѣ. Приложеніе ихъ въ экономической жизни народовъ поэтому рискованно. Увлеченіе теперешней молодежи ими можно объяснить только модой и отсутствіемъ критической мысли.

Тоже нужно сказать и о философскихъ увлеченіяхъ. Бредовая безсвязность построенія философіи *Нитцше* съ безчисленными противорѣчіями можетъ восхищать только современнаго декадентствующаго юнца съ его истерическими экстазами. Ученіе психопата-учителя совпало по настроенію съ настроеніемъ психопатовъ-учениковъ. Отсюда необыкновенный успѣхъ философіи безумнаго философа.

Печальные аккорды философіи *Шопенгауера* точно такъ же привлекли большое число слушателей въ силу современности ея болѣзненнаго настроенія, а не въ силу непоколебимости ея основъ. Разрушительныя теченія въ современной декадентствующей живописи, архитектурѣ, поэзіи, несутъ утомленную душевно

толпу въ тотъ же водоворотъ умственнаго и нравственнаго смятенія.

Нашъ великій изящный писатель *Л. Н. Толстой*, передъ геніемъ котораго по справедливости преклоняется весь міръ, въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ доходитъ до высотъ самаго безграничнаго абсолютизма. Этотъ абсолютизмъ его поднялъ и унесъ въ безпредѣльное пространство много песчинокъ, которыя до того удобно и покойно лежали по своимъ мѣстамъ въ присущемъ имъ порядкѣ на жизненномъ пути. Но что же дѣлать песчинкѣ въ безпредѣльномъ пространствѣ? Ихъ масса образовала тучи пыли, только пыли! Пройдетъ толстовская буря, и опять онѣ упадутъ, опять лягутъ по мѣстамъ въ присущемъ имъ порядкѣ. Но если бы это были только песчинки! Вѣдь это смущенныя души, оторванныя отъ радостей и страданій дѣйствительной жизни для безнадежнаго пережевыванія безплодныхъ отвлеченій. Вѣдь это матери, отцы, дочери, сыновья, женихи, невѣсты, мужья, жены, дѣти, украденные у ихъ родныхъ и общества съ ихъ обязанностями и дѣловой помощью и выведенные на распутье жизни съ глазами, завязанными повязкой туманныхъ отвлеченій. Въ прежнемъ порядкѣ жизни они были организаціей на общественной почвѣ съ корнями и плодами, теперь... вырванные изъ нея, они засыхаютъ, безплодные, никому и ни на что не нужные и сами для себя непонятные. Это цвѣты, рожденные Богомъ и вырванные капризною рукой человѣка, мнящаго себя законодателемъ судьбы людей. Не чрезмѣрное ли и не преступное ли это самомнѣніе? Человѣкъ, какъ

бы ни былъ великъ умомъ, все-таки человѣкъ съ его весьма ограниченной способностью пониманія. Изучая міръ, мы познаемъ только искорки Божественной мысли, а не истину, составляющую Божественный разумъ. Если бы она была доподлинно намъ извѣстна, мы не знали бы противорѣчій, которыми теперь наполнено человѣческое міровоззрѣніе и наша жизнь. Возьмемъ примѣры. Любовь къ ближнему—святое чувство, и нѣтъ большей любви, какъ когда человѣкъ положитъ жизнь свою за ближняго. Вы защищаете слабую женщину отъ разбойниковъ, убиваете ихъ и сами умираете, погибая въ борьбѣ. Вы хорошо сдѣлали, что умираете, защищая слабую женщину, но скверно, что защитивъ одну, убили нѣсколько человѣкъ. На насъ напали японцы-язычники. Мы защищаемъ отъ нихъ нашихъ русскихъ христіанъ, нашу христіанскую культуру. Защищаясь, мы ихъ убиваемъ, хотя этого и не слѣдовало бы дѣлать. Но вспомните избіеніе 20 милліоновъ тайпинговъ. Представьте себѣ, что китайцы въ союзѣ съ японцами продѣлаютъ надъ нами, надъ нашими женами, дѣтьми, отцами ту же рѣзню. А это весьма похоже на дѣйствительность. Почему *Л. Н. Толстой* находитъ болѣе согласнымъ съ Божественной правдой допустить язычниковъ-японцевъ и китайцевъ вырѣзывать русскихъ, носителей-проповѣдниковъ христіанской любви? Почему онъ клянетъ сражающихся, кто въ мученіяхъ умираетъ за ближняго, отражая смертью язычниковъ? Для насъ все это противорѣчія, но для Божественнаго разума это такъ должно быть: иначе оно не случилось бы. Поменьше намъ надо гордыни

мысли, а побольше скромнаго сознанія ея ограниченности.

Въ этой гордынѣ, опять-таки повторяю, виноватъ нашъ ложный взглядъ, навѣянный нѣкоторыми философами, утверждающій за нашими отвлеченіями сущности. Виновато въ этомъ также господствующее воззрѣніе, считающее умственную и нравственную дѣятельность за духовную. Я уже раньше выяснилъ, что мы для этого утвержденія не имѣемъ никакихъ основаній, а какъ разъ наоборотъ. Наши воззрѣнія— только человѣческія, ограниченныя нашей вещественной организаціей. Наши отвлеченія—только продуктъ нашихъ обобщеній и никакимъ реальнымъ сущностямъ не соотвѣтствуютъ. Онѣ только одно изъ звеньевъ мыслительнаго процесса. Даже въ области нравственности отвлеченное понятіе, несмотря на значеніе какъ бы обязывающаго закона, не даетъ признаковъ сущности. Понятіе о *добрѣ* и *злѣ*—сложнаго эгоистическаго происхожденія. Добра и зла въ природѣ нѣтъ, и мы совершенно не знаемъ, каковыми они представляются Божественному разуму. Это, конечно, не обозначаетъ, чтобы въ стремленіи человѣка къ добру не было доли истины. Самое уже стремленіе свято, потому что ведетъ человѣка къ самоусовершенствованію въ самомъ высокомъ чувствѣ—въ любви къ ближнему. Но мы въ своей органической ограниченности пониманія видимъ только ничтожную долю правды, даже часто не въ состояніи отличить дѣйствительнаго добра отъ дѣйствительнаго зла. Такъ, напримѣръ, война съ человѣческой точки зрѣнія зло, потому что это человѣкоубійство. На войнѣ чело-

вѣкоубійство такъ отвратительно особенно потому, что совершается съ необыкновенно грубой картинностью. Но сочтите, сколько мы отправляемъ своихъ ближнихъ на тотъ свѣтъ сознательными санитарными непорядками, небрежностью въ исполненіи своихъ обязанностей въ желѣзнодорожной, врачебной, строительной, административной, дипломатической и другихъ службахъ. Многомилліонныя ежегодныя жертвы уходятъ въ вѣчность съ нашей помощью, и мы ничуть не смущаемся. А нѣсколько десятковъ тысячъ убитыхъ на войнѣ приводятъ насъ въ ужасъ. Все это только недомысліе и истеричность. Между тѣмъ война имѣетъ несомнѣнно и громадное положительное значеніе. Не только она заставляетъ встрепенуться народъ и обратить вниманіе на свои культурные недочеты,—она заставляетъ его пережить время высокаго умственнаго и нравственнаго подъема, перегорѣть въ огнѣ самого страстнаго напряженія любви и страданія за своего ближняго. Однимъ словомъ, плюсы и минусы войны еще никто не сосчиталъ и итоговъ ихъ не подвелъ. Поэтому даже съ ограниченной человѣческой точки зрѣнія война въ защиту своей родины, своего народа, своей чести отъ разбойничьяго насилія другого народа представляетъ собою *добро* сравнительно съ *зломъ* повседневнаго нашего мелочного, грязнаго, мошенническаго междоусобія, кончающагося многомилліонными смертями. Самъ *Л. Н. Толстой,* рѣшая Богу вѣдомыя задачи, не подумалъ ли хоть разокъ, сколько трагедій онъ пріуготовилъ, не говоря уже о нравственныхъ драмахъ. Далѣе, я могу привести наглядные примѣры

дѣйствительныхъ событій, изъ которыхъ ясно, какъ горячо любящіе своихъ дѣтей родители губятъ ихъ, несмотря или даже благодаря безумію этой любви. Почему, напримѣръ, убійство на войнѣ противно, а не противно, когда мать, не вѣря почему-то въ заразу, возитъ съ собой по зараженнымъ пріютамъ своего единственнаго сына, который заражается и умираетъ? Почему не убійца своей дочери мать, которая, *презирая* хозяйство, не смотритъ за прислугой и жилищемъ, а ея дочь благодаря этому заражается дифтеритомъ и умираетъ? Но всего не перечтешь. Смерть витаетъ среди насъ, и мы сами въ большинствѣ случаевъ приводимъ ее своими руками, чтобы она скосила близкихъ намъ людей. Многіе изъ насъ гораздо больше убьютъ людей въ такъ называемое мирное время, чѣмъ самый отчаянный головорѣзъ на войнѣ.

Опять я сдѣлалъ большое отступленіе въ область частныхъ примѣровъ, чтобы выяснить, до какой степени кургузыя людскія теоріи слѣпятъ насъ. Человѣкъ еще очень мало знакомъ съ окружающимъ его міромъ, съ законами его жизни, очень мало изучилъ самого себя. Понятіе его о своихъ силахъ отчасти слишкомъ преувеличенное, отчасти слишкомъ умаленное. Ему хочется поскорѣе все окружающее его разъяснить, и онъ прибѣгаетъ къ выводному мышленію, чрезмѣрно довѣряя своимъ общимъ положеніямъ, часто совершенно недостовѣрнымъ. Такое поспѣшное и неосмотрительное мышленіе приводитъ его къ массѣ ложныхъ ученій. Но его сила

громадна въ аналитическомъ и наводномъ пріемѣ мышленія, къ которому онъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ не подготовляется въ классической школѣ. Оттого философскихъ теорій очень много, но ни одна изъ нихъ ни одного изъ міровыхъ вопросовъ не рѣшила и много ихъ только запутала. Наше умство еще менѣе, чѣмъ какое-либо другое, подготовлено къ критическому отношенію къ этимъ философскимъ ученіямъ. Оно больше *вѣритъ* авторитету писателя и идетъ за каждымъ изъ нихъ, какъ ребенокъ или модница за модой,—сегодня за однимъ, завтра за другимъ. Оттого въ современномъ образованномъ обществѣ мы наблюдаемъ необыкновенный хаосъ возрѣній и соотвѣтствующій невообразимый безпорядокъ въ общественной, семейной и частной жизни. При помощи н .шей только еще перебраживающей интеллигенціи происходитъ разложеніе стараго порядка, а на его мѣсто надвинулось что-то безформенное, смутное, дикое. Если бы Россія состояла только изъ современной русской интеллигенціи, она давно бы распалась. Къ счастію, ея крѣпость, главная часть крестьянства и купечества, еще мало тронута, еще не подгнила отъ тлетворнаго соприкосновенія съ верхними слоями.

Итакъ, въ области научной, вліяющей на общественное благоустройство, мы не видимъ здороваго, жизненоснаго теченія. Все это теоріи, отвлеченности, мечтанія, и ничего жизненнаго, организованнаго или организующаго. Попытки введенія въ жизнь общихъ началъ обнаруживаютъ отсутствіе точныхъ знаній

русской жизни и вѣрной оцѣнки предѣльности вводимыхъ учрежденій. Другими словами, опять выступаютъ на сцену недостаточное знакомство съ русской жизнью и слишкомъ рабское знакомство съ книжкой.

ГЛАВА V.

Языкъ.

Вслѣдъ за краткимъ взглядомъ на литературу мнѣ хотѣлось бы на минуту занять вниманіе читателя очень одностороннимъ, но тѣмъ не менѣе весьма важнымъ явленіемъ въ области современнаго русскаго языка. Я не считаю себя подготовленнымъ проникнуть въ глубину этого вопроса, но не могу не отмѣтить его смысла. Говорю о засореніи русскаго языка иностранными словами. Изъ 150.000 словъ словаря—50.000 иностранныхъ. Патентованное дворянство считало и считаетъ до сихъ поръ хорошей манерой пересыпать русскую рѣчь французской. Эта пошлость въѣлась въ аристократическіе круги и удерживается до сихъ поръ въ ихъ салонахъ за неимѣніемъ другого лучшаго украшенія. Питомецъ дворянства, наше русское умство обрусило массу иностранныхъ словъ въ своемъ влеченіи передразнивать западъ. Еще недавно одинъ изъ московскихъ гласныхъ говорилъ цѣлую рѣчь о цѣлесообразности замѣщенія русскихъ словъ иностранными, въ данномъ случаѣ „конки“—„трамваемъ“. Это ведетъ, по его понятію, къ объединенію народовъ. Почему ради объединенія народовъ не коверкаетъ свой языкъ нѣмецъ,

англичанинъ, французъ, а коверкаетъ русскій, вопросъ этотъ рѣшается очень просто. Мы такъ привыкли *коверкаться* и даже *кувыркаться передъ Европой*, что и на этотъ разъ спѣшимъ повеселить европейскую публику. У другихъ народовъ немножко побольше сознанія своего національнаго достоинства, и потому они не рѣшатся на такое добровольное самоуничтоженіе. Но русскій языкъ, его чистота, дороги для насъ, какъ и для всякаго другого народа, главнымъ образомъ по свойству своими особенностями построенія выражать особенности народнаго мышленія. Пластика слова отражаетъ пластику мысли. Промѣнивая свои русскія слова на иностранныя, мы промѣниваемъ особенности нашего мышленія. Русскій языкъ отличается необыкновеннымъ богатствомъ словъ. Это оттого, что русскій умъ отличаетъ въ предметахъ и дѣйствіяхъ очень много такихъ оттѣнковъ, которыхъ другимъ народамъ не дано было замѣтить или они не разрабатывали своего языка въ этомъ направленіи. Возьмемъ для примѣра чрезвычайно вкоренившееся въ нашу рѣчь слово „характеръ“. Оно употребляется у насъ въ замѣчательно разнообразныхъ смыслахъ. Между тѣмъ въ русскомъ языкѣ существуетъ для каждаго изъ нихъ отдѣльное слово. „Характеръ“ обозначаетъ — пишу, что припомню — обличіе, пошибъ, нравъ, качество и свойство предмета, качество и свойство дѣйствія. Мы бросаемъ, значитъ, свое богатство, промѣнивая на иностранную скудость. Совершенно, какъ дикарь промѣниваетъ драгоцѣнности на мѣдныя бездѣлушки! И это сравненіе вовсе не колкость только. Точность

и ясность словообозначенія имѣетъ громадное значеніе для точности и ясности мысли. Иностранное слово только тогда можетъ быть намъ ясно, когда мы отлично знаемъ соотвѣтствующій языкъ. Въ противномъ случаѣ сложеніе его отъ насъ сокрыто, и въ рѣчи оно становится темнымъ пятномъ. Чтобы это понять, попробуйте умному русскому человѣку, но незнакомому съ иностранными языками, разсказать что-нибудь изъ нашихъ умственныхъ областей знанія. У васъ на каждомъ шагу въ рѣчи будутъ темныя пятна, т.-е. непонятныя мѣста для его уразумѣнія. Мы сами уже до такой степени привыкли къ засоренности нашего языка, что не замѣчаемъ ея. Рѣчь съ русскими обозначеніями понятій намъ кажется, странной, даже смѣшной, да и подчасъ непонятной. Въ настоящее время невозможно писать и говорить на чистомъ русскомъ языкѣ, чтобы онъ былъ понятенъ такъ называемому образованному русскому человѣку. Многія русскія словообозначенія нами совершенно утрачены. Наши особенности мысли, мышленія и рѣчи утрачиваются. Настала пора оскудѣнія, а вовсе не обогащенія собственно русскаго языка. Но еще и въ другомъ отношеніи мы наносимъ страшный вредъ, вводя иностранныя слова. Не слагая для предмета или дѣйствія русскаго названія, а беря его изъ иностраннаго языка, мы устраняемъ *творчество* въ области слова и мысли. Необыкновенная гибкость и богатство нашего языка допускаютъ безграничную возможность цѣлесообразнаго словосложенія. Мѣшаетъ этому только наша умственная забитость, раболѣпіе мысли, привычка къ современной засоренности языка,

отсутствіе сознанія важности чистоты родного языка для ясности излагаемой мысли и важности значенія творчества въ словосложеніи для роста мысли. Языкъ такъ же органиченъ, какъ мысль, мозгъ, самъ человѣкъ. Вѣками растетъ народная мысль, вѣками растетъ и его слово въ полномъ органическомъ соотвѣтствіи съ нею. Въ корняхъ и приставкахъ слова сокрыто произрожденіе соотвѣтственнаго ему понятія. Въ словосложеніи можно прочесть почти всегда опредѣленіе послѣдняго. Такимъ образомъ чистый народный языкъ—*воплощеніе* чистой народной мысли. Его органическій ростъ идетъ и долженъ итти на одномъ уровнѣ съ послѣдней. Творчество народа въ словосложеніи, остановленное введеніемъ иностранныхъ словъ, останавливаетъ развитіе мысли въ извѣстныхъ областяхъ и границахъ. Съ этой точки зрѣнія еще болѣе преступна и дика, чѣмъ засореніе языка иностранными словами, попытка нѣкоторыхъ академическихъ и университетскихъ мудрецовъ перекроить русскій языкъ по программѣ дворницкой грамматики. Хотятъ языкъ, это тѣло мысли, перекраивать какъ какой-нибудь кафтанъ! И такое варварское и противоестественное дѣло покушаются совершить академики, профессора-филологи. Можно ли послѣ этого взыскивать съ какого-нибудь присяжнаго повѣреннаго, если онъ мечтаетъ обангличанить православную Москву введеніемъ англійскихъ названій и такимъ путемъ доставить московскимъ гласнымъ возможность объединиться съ европейскими народами? Это несомнѣнно очень простой, но столь же и ложный путь. Настоящій путь въ европейскую семью—

перестать передъ ней *кувыркаться* и бросить свою *головотяпость*.

Такимъ образомъ и въ языкѣ мы видимъ цѣлый погромъ отъ безразсуднаго заимствованія съ запада. На треть онъ сталъ нерусскимъ и сдѣланъ благодаря этому малодоступнымъ пониманію большей части русскаго народа. И здѣсь, слѣдовательно, услуга русскаго умства своему народу оказана отрицательная.

ГЛАВА VI.

Семья.

Перейдемъ теперь къ семьѣ. Какъ описанныя выше теченія отразились на внутреннихъ и внѣшнихъ ея отношеніяхъ, также на ея строѣ?

Семья—ячейка общества и государства: неправильна ея жизнь—будетъ неправильна жизнь общества и государства. Если вы войдете въ семью, гдѣ все неприбрано, прислуга грязная и распущенная, дѣти неряшливо одѣты и невоспитанны,—будьте увѣрены, изъ этой семьи не выйдетъ ни одного порядочнаго дѣятеля для общества и государства. Но у насъ такія семьи—большинство. Исключеніе представляетъ только купечество. Зажиточные изъ него, но не попавшіе еще въ интеллигенты, придерживаются не только опредѣленнаго порядка въ взаимоотношеніяхъ членовъ семьи, но также и внѣшняго порядка въ домѣ. То же самое мы видимъ у старообрядцевъ: строгость нравовъ, порядокъ въ домѣ. Раньше то же было у духовенства. Вдали отъ столичныхъ цен-

тровъ сохранился семейный порядокъ и въ крестьянствѣ. Но откуда, какъ не изъ этихъ сословій мы получали большинство добросовѣстныхъ дѣловыхъ людей? Конечно, существуютъ такія семьи и среди умственниковъ, въ томъ числѣ и дворянъ. Но въ большинствѣ умскія семьи разлагаются. Старинное отношеніе дѣтей къ родителямъ, жены къ мужу и наоборотъ разрушено. Хозяйство семьи ведется безпорядочно, а то такъ и совсѣмъ брошено. Въ рѣдкомъ домѣ найдете образцовый внѣшній порядокъ. Воспитаніе дѣтей покоится на началахъ ложно понимаемыхъ сердечности и свободы, а въ сущности на распущенности. Тотъ хаосъ взглядовъ, который я обличилъ раньше, запуталъ головы родителей и дѣтей. Супружеская вѣрность считается предразсудкомъ, даже насиліемъ надъ чувствомъ. Дѣти или совсѣмъ оставляются безъ призора, или воспитываются по книжкѣ, слѣдовательно, совершенно въ искусственныхъ условіяхъ. Крайніе политическіе, религіозные и нравственные взгляды, исповѣдуемые родителями, внушаются дѣтямъ въ такомъ возрастѣ, когда они не могутъ еще отнестись къ нимъ критически. Въ итогѣ общество получаетъ безумныхъ фанатиковъ, какихъ мы не мало видимъ среди нашихъ политическихъ митрофанушекъ. Уваженіе и послушаніе по отношенію къ родителямъ отжило. Оно смѣшно даже теперь. Отецъ отсталъ отъ времени, сынъ—въ самомъ его теченіи. Выводъ ясенъ: сынъ умнѣе, просвѣщеннѣе отца, а слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія слушаться его. Самомнѣніе молодежи воспитано самими родителями, плохо понявшими начала сердеч-

ности и свободы. Порядокъ внутренній, нравственный, вслѣдствіе этого разрушенъ въ семьѣ и вслѣдъ за нею и въ школѣ. На мѣсто довѣрія къ старшимъ воцарился раздоръ между старшими и младшими. Послѣдніе, уйдя отъ руководительства опыта и преданій нравственности, попались въ крѣпкія сѣти звѣриныхъ влеченій, легко подводимыхъ подъ разныя научныя и философскія теоріи. Съ 60-хъ годовъ въ русское общество выдѣлена интеллигентными семьями масса умственныхъ и нравственныхъ уродовъ, совершенно искалѣчившихъ нашу общественную жизнь. За границей, напр., въ Германіи, смотрятъ на нашу молодежь съ недоумѣніемъ и плохо скрываемой улыбкой презрѣнія.

Громадный вредъ семьѣ принесло ни съ чѣмъ несообразное женское образованіе. Нѣтъ въ немъ ясно сознанной задачи, нѣтъ поэтому сознательно ограниченнаго выбора предметовъ образованія. Нѣтъ знанія особенностей женской организаціи, умственной и физической, нѣтъ поэтому особенностей педагогическихъ пріемовъ. 75% изъ окончившихъ высшіе женскіе курсы выходятъ замужъ и спеціальное ихъ образованіе оказывается ненужнымъ. Напрасно потрачены здоровье, деньги, время. Отъ мозгового переутомленія оканчивающія курсы дѣлаются истеричными, родятъ, выходя замужъ, нервное поколѣніе, въ свою очередь идущее тѣмъ же ложнымъ путемъ. Послѣдствіе—вырожденіе. Его роковые слѣды мы, врачи, наблюдаемъ во многихъ умскихъ семьяхъ, Жизнь требуетъ для семьи мать съ женственно-развитымъ умомъ и крѣпкимъ здоровьемъ, школа ей

даетъ калѣку-специалистку по врачеванію, исторіи, литературѣ, искусству, но не по семейнымъ задачамъ. У одного моего знакомаго художника жена кончила въ гимназіи и консерваторіи. Въ домѣ его царствовалъ невообразимый безпорядокъ. Небольшіе доходы таяли въ хозяйственной безтолковщинѣ. Когда онъ однажды не выдержалъ и скромно напомнилъ супругѣ, что отъ безхозяйственности они могутъ разориться, она съ негодованіемъ ему отвѣтила: „Я не для того кончила въ гимназіи и консерваторіи, чтобы сидѣть на кухнѣ". Десять лѣтъ ученія въ двухъ школахъ не сдѣлали ея настолько умной, чтобы понимать свои обязанности и умѣть подѣлить день между практической работой и наслажденіемъ искусствомъ и наукой. Значительная часть матерей изъ образованныхъ семей стараются свалить воспитаніе дѣтей на нянекъ, хозяйство на кухарокъ, чистоту и и порядокъ въ домѣ на горничныхъ. Сами же онѣ заняты преимущественно бѣготней по знакомымъ, болтовней въ гостиныхъ, въ послѣднее время кромѣ того болтовней въ благотворительныхъ учрежденіяхъ. Здѣсь онѣ, впрочемъ, кое-что дѣлаютъ, даже подсчитываютъ грязное бѣлье, хотя дома тѣмъ же дѣломъ не занимаются. Домъ остается безъ призора. Тамъ господствуетъ прислуга. Хозяева ея—гости. Дѣти выростаютъ въ образцовомъ всестороннемъ безпорядкѣ. Порядокъ становится для нихъ непривычнымъ и непріятнымъ. Нелюбовь къ порядку вносятъ они въ школу, вносятъ и въ общественную жизнь, за что платятся не только они сами, но и все общество. Мы съ негодованіемъ останавливаемся передъ описаніемъ кру-

шенія желѣзнодорожныхъ поѣздовъ вслѣдствіе небрежности служащихъ, передъ катастрофами при постройкѣ домовъ, передъ непорядками городскихъ и земскихъ управленій, передъ волокитой административныхъ учрежденій и т. д.—и не хотимъ понять, что сами мы уже въ семьѣ воспитываемъ такихъ дѣятелей. Чтобы служащій безъ погонялки строго выполнялъ свои обязанности и соблюдалъ точный порядокъ въ дѣлѣ, надо ему имѣть къ тому привычку и любовь. Такая любовь пріобрѣтается привычкой съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ всепроницающему порядку и выполненію своихъ обязанностей. Ранніе годы проводятся въ семьѣ. Здѣсь и пріобрѣтается любовь къ порядку и исполненію своего долга. Говорятъ: „привычка вторая натура“. Эта поговорка органически правильна. Воспитанный въ семьѣ среди всесторонняго порядка и исполненія своего долга старшими, юный членъ такой семьи съ удовольствіемъ подчинится школьному порядку, окрѣпнетъ еще больше въ немъ и внесетъ его въ свою общественную дѣятельность. Распущенность, царящая въ русскихъ семьяхъ должна подготовлять совершенно противоположныхъ дѣятелей, не любящихъ порядка, нерадивыхъ въ исполненіи своего долга. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ въ нашей русской жизни. Но вотъ въ чемъ весь ужасъ положенія. Никто не хочетъ понять, а можетъ быть и не можетъ, что *благоустройство и благоденствіе семьи родитъ благоустройство и благоденствіе народа.* Русская женщина! Ты можешь и должна пересоздать русскую семью на началахъ порядка и долга. Ты поймешь

это скорѣе великихъ книжныхъ мудрецовъ. Если кое-кому изъ народа были бы полезны твои спеціальныя знанія, то всему ему нужна ты, домоправительница, воспитательница, водружающая въ семьѣ порядокъ и чувство долга.

Самая, можетъ быть, величайшая изъ общественныхъ задачъ—воспитать избранныхъ людей. Задача эта можетъ быть выполнена только матерью воспитательницей и домоправительницей. И если такая мысль далека отъ сознанія нашихъ образованныхъ женщинъ, то это можно объяснить только дурною привычкой нашей замѣчать лишь то, что лежитъ дальше нашего носа. Но воспитать въ чувствѣ долга и порядка, привить такія свойства человѣку, сдѣлавъ ихъ его природой, можно только съ ранняго дѣтства, т.-е. въ семьѣ. Школа можетъ лишь продолжать достройку воспитанія. Доказательства этого налицо. Ни школа, ни жизнь не могутъ побороть того отвращенія къ порядку и небрежности въ исполненіи своихъ обязанностей, какое наблюдается въ нашей общественной и частной дѣятельности. Вся эта распущенность приноситъ намъ катастрофу за катастрофой. Ни всѣ вмѣстѣ, ни каждый въ отдѣльности не считаютъ своихъ обязанностей за свой долгъ, не только не признаютъ никакого порядка въ дѣлѣ, но всячески его стремятся нарушить. Но вѣдь безъ порядка нельзя завершить никакого даже самаго маленькаго дѣла. Простая мысль труднѣе всего усвоивается, можетъ быть и эта въ томъ числѣ. Плохо понимающимъ ее я посовѣтовалъ бы пойти посмотрѣть, какъ вколачиваютъ сваи при помощи пятидесятипудовой бабы.

Десятки приводовъ отъ нея держатъ и тянутъ рабочіе. Силы ихъ раздроблены, и въ отдѣльности они никогда бы ее не подняли. Но работа ихъ въ порядкѣ, по командѣ подъ „дубинушку", объединяетъ ихъ отдѣльныя силы въ единую сплоченную, уже способную поднять пятидесятипудовую тяжесть на должную высоту. Порядокъ объединяетъ маленькія силы въ одну громадную, могучую. Въ настоящей войнѣ русскихъ съ японцами сошлись бороться два народа, изъ которыхъ у одного—повсюду любимые безпорядокъ и неисполненіе своего долга, небрежность, у другого—повсюду образцовый порядокъ, тщательное выполненіе самаго маленькаго дѣла, и побѣда пока на ихъ сторонѣ, а не на нашей. Чувство святости отечественнаго долга у нихъ объединяетъ всѣхъ въ одномъ усиліи побѣдить насъ, ихъ врага,—чрезмѣрное личное чувство („persönlich zu werden") нашей интеллигенціи (въ данномъ случаѣ военной) при слабомъ сознаніи патріотическаго долга насъ наоборотъ разъединяетъ. Безъ порядка и честнаго выполненія своихъ обязанностей не можетъ благоденствовать не только общество и государство, но даже самое маленькое хозяйство. Наша жизнь намъ обходится страшно дорого опять-таки по той же причинѣ. Въ семьѣ хозяйка, занятая рѣшеніемъ въ гостиныхъ міровыхъ вопросовъ, бросила свое хозяйство. Но ѣсть надо, кое-какъ хоть въ квартирѣ прибрать надо, за дѣтьми присмотрѣть надо. Нанимается большой штатъ прислуги. За ней почти не надсматриваютъ. Она все болѣе распускается, не исполняетъ по примѣру своихъ барынь своихъ обязанностей, небрежно отно-

сится къ хозяйскому добру, потому что и сами господа его не берегутъ. Въ концѣ-концовъ полный безпорядокъ во всѣхъ отдѣлахъ въ домѣ и непомѣрные расходы. Изъ неуютнаго дома папаша бѣжитъ въ клубъ и еще куда-нибудь въ этомъ родѣ. Расходы еще растутъ. Доходовъ не хватаетъ. Папашѣ приходится прибѣгать къ сверхсмѣтнымъ заработкамъ, т.-е. попросту въ томъ или другомъ видѣ поворовывать: брать взятки, обсчитывать казну, создавать ремонты и т. д... ну, однимъ словомъ, совершать тѣ грязныя, воровскія дѣянія, которыми насыщенъ воздухъ всей нашей общественной и государственной жизни. Кромѣ того, папаша воспитанъ въ такой же безпорядочной, распущенной семьѣ, какъ и его, а потому общественную свою службу онъ ведетъ тоже небрежно. И вотъ, создается цѣлый рой маленькихъ и большихъ, офиціальныхъ и неофиціальныхъ ихъ превосходительствъ для наблюденія за порядкомъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей служащими. Но ихъ превосходительства тѣмъ же грѣшатъ, какъ и всѣ. Безпорядочная работа, понятно, не спорится. Штаты увеличиваются для созданія высшихъ превосходительствъ. Расходы тоже въ свою очередь растутъ на новые оклады, увеличенные соотвѣтственно величинѣ его превосходительства. На дѣлѣ, занимающемъ въ Англіи, Германіи 2—3 чиновниковъ, у насъ работаетъ болѣе десятка. Въ одной извѣстной мнѣ больницѣ годовой расходъ около 90.000 р. Но посмотрите, сколько администраціи: опекунъ больницы, главный докторъ, смотритель, экономъ, бухгалтеръ, помощникъ его, старшій письмоводитель, младшій.

Восемь человѣкъ! Считая стоимость квартиръ вмѣстѣ съ жалованьемъ, содержаніе ихъ обходится казнѣ въ 20.000 р., т.-е. почти въ $^1/_4$ часть годового больничнаго расхода. Между тѣмъ по дѣлу и бюджету совершенно достаточно было бы главнаго доктора, смотрителя и одного писца. Вотъ вамъ примѣръ неестественнаго расширенія штатовъ и расходовъ на нихъ. А какъ подсчитать громадную цыфру убытковъ, которую создаетъ небрежность, неисполненіе обязанностей, безпорядочность въ неисчислимой массѣ дѣлъ по всей Россіи? Если бы возможно было написать эту цыфру, мы пришли бы въ ужасъ. А сколько катастрофъ, всецѣло вырастающихъ на нашей безпорядочности, небрежности, въ родѣ нынѣшней войны, по временамъ вдругъ потрясаютъ весь нашъ государственный организмъ! Но русскій дикарь, и образованный и необразованный, не скоро еще это пойметъ. Не скоро еще онъ пересилитъ свою старую природу— отвращеніе къ порядку и честному исполненію долга.

ГЛАВА VII.

Общество и народъ.

Вотъ каковы гнилые корни нашей современной жизни. Объиностранившееся дворянство выращиваетъ нерусское умство съ его ядромъ—космополитической интеллигенціей. Барскія привычки и крѣпостническая закваска сочетаются въ ней съ повышенными взглядами на свободу, личную и общественную. Изъ умства выдѣлились политическія партіи *стародержавцевъ* и

новодержавцевъ. Первые составляли ранѣе всецѣло, а теперь въ значительномъ процентѣ, чиновничье сословіе. Они внесли въ общественную и государственную жизнь, прикрываясь знаменемъ „самодержавіе, православіе и народность“, сверхзаконіе, исключительно формальную религію, обезличеніе народа и непониманіе его новыхъ теченій. Новодержавцы, провозглашая освобожденіе личности, участіе народа въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ, на дѣлѣ всегда оказываются такими же крѣпостниками, какъ и стародержавцы, особенно когда они вступаютъ въ чиновничье сословіе, тѣмъ не менѣе они несомнѣнно способствовали пробужденію народнаго самосознанія. Выродившееся въ догматизмъ и обрядность православіе въ значительной степени утратило свое вліяніе на народъ, перестало быть для него объединяющимъ началомъ. Изящная и научная литературы дали слишкомъ мало здоровыхъ корней для общественной русской жизни и очень запутали теоріей ея запросы. Построенная на иностранныхъ началахъ и на чрезвычайно узенькомъ и ложномъ педагогическомъ фундаментѣ, школа выпустила питомцевъ не только мало пригодныхъ для общественнаго дѣла, но часто даже прямо враждебныхъ русскимъ задачамъ. Воспитанные на привычкахъ крѣпостничества и барства, образованные на маскарадномъ вольнодумствѣ, родители разорили всѣ семейныя связи. Распущенность отношеній членовъ семьи, барская безхозяйственность и безпорядочность, потеря всякаго сознанія надобности семьи, ея задачъ, ея значенія—сдѣлали изъ нея не гнѣздо, гдѣ должны бы вырастать люди порядка и чувства

долга, а гнѣздо для выращиванія босяковъ мысли и дѣла.

Уже изъ разбора этихъ явленій предъ читателемъ вырисовывается картина тѣхъ мутныхъ теченій, которыя вливаются въ общій потокъ нашей общественной жизни. Если мы разсмотримъ ее, намъ отчетливо представятся грязныя, полныя міазмовъ волны, втекающія въ океанъ жизни русскаго народа. Онѣ заражаютъ его воды, отравляютъ все русское, губятъ его, выращивая сорныя травы и многочисленныхъ паразитовъ.

А между тѣмъ посмотрите на теперешнюю титаническую (японо-русскую) борьбу. Сколько нашъ забитый, заброшенный народъ выказываетъ самоотверженнаго героизма рядомъ съ умилительными проявленіями человѣчности къ плѣннымъ злобнаго врага! Вѣдь, это львиная кротость! Такой народъ, правильно воспитанный и образованный, долженъ владѣть міромъ! При природныхъ его талантахъ онъ долженъ бы быть богатымъ. А онъ бѣденъ и поруганъ.

Посмотрите! Казалось, естественно было бы ждать, что образованный, умственный слой народа, мозгъ его, обдумаетъ плюсы и минусы его жизни, поведетъ массу по пути лучшаго благополучія. Вѣдь этому народу, прежде чѣмъ пойти на чтенія о свободѣ, гражданственности, государственности, искусствѣ и т. д., надо было надѣть штаны и утолить голодъ. Вмѣсто этого у него брали послѣдніе достатки на содержаніе чиновниковъ-интеллигентовъ и полуинтеллигентовъ, а питали чтеніями по излюбленнымъ вопросамъ и увеселяли балетомъ. Между тѣмъ надо было бы

видѣть у кого есть глаза, что крестьянина надо обучить усовершенствованному земледѣлію, огородничеству, садоводству, ремесламъ, разнымъ полезнымъ знаніямъ. Но о производительности его никто не думалъ. Да никто этому не могъ его и научить, потому что умственники этимъ не занимались. Все сердце образованія ихъ билось въ области изящной словесности, теоріи и искусствъ. До послѣдняго времени не было техническихъ школъ, особенно низшихъ, не говоря уже о ремесленныхъ. Ихъ нѣтъ и до сихъ поръ. Вся умственная жизнь образованныхъ слоевъ народа роилась далеко отъ его жизни и ея насущныхъ требованій. Жизнь русскаго умства представляетъ собою всѣ признаки жизни паразита на народномъ тѣлѣ: оно заняло въ этомъ отношеніи мѣсто русскаго барства. Простонародье за эти полстолѣтія оставалось даже еще болѣе одинокимъ и заброшеннымъ, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ. Какъ никакъ, а его все-таки учили тогда кое-какимъ мастерствамъ, хоть ради того, чтобы сдѣлать для себя болѣе полезнымъ. Вслѣдствіе такого преступно-равнодушнаго отношенія къ развитію производительной способности народа, она осталась на той же первобытной ступени, какъ и полстолѣтія назадъ. Воздѣланность, культурность страны очень низка, производительность сравнительно съ той, какою бы она могла быть теперь, очень ничтожна. Какъ я уже выше сказалъ, школа ему дана мертвая, не соотвѣтствующая его нуждамъ, чуждая его жизни и въ ничтожномъ числѣ. Даже грамотность-то мы дали только небольшому проценту народонасе-

ленія, да и то не сумѣвъ выяснить ея значенія для практической жизни. Дѣло образованія отдали въ руки грошовыхъ учителей, народные рубли отдавъ по чиновничью обычаю земской администраціи. Народную медицину основали на дешевыхъ палліативахъ. Вмѣсто всего этого, побуждаемые нашимъ политическимъ самодурствомъ, мы всякими путями сами и при помощи нашихъ политическихъ недорослей старались извратить простой народъ умственно, нравственно и политически. Со временъ Петра Великаго вмѣстѣ съ иностранными проходимцами съ чисто идіотскимъ усердіемъ стремились всякими насиліями искоренить въ немъ лучшія его стремленія... Мы его сдѣлали рабомъ, обезличили, ввергли въ сектантство, надругались надъ его религіей, лишили духовенства съ его религіозно-нравственнымъ вліяніемъ, разрушили его нравственные устои, поставили его почти внѣ закона, обобрали въ пользу другихъ сословій и инородцевъ, что продолжаемъ дѣлать усердно и до сихъ поръ, споили въ пользу государственной казны, развратили его женщинъ помѣщичьимъ свинствомъ, отдали на издѣвательства многочисленнымъ помпадурамъ... и назвали его за безконечное терпѣніе „святою сѣрою скотиной". О, совѣсть, гдѣ ты? Когда, наконецъ, народъ совсѣмъ обнищалъ, растлился, озвѣрѣлъ, когда онъ сталъ въ силу этого даже неудобенъ и малоприбыленъ для насъ, мы стали подумывать, какъ его сдѣлать болѣе дойнымъ и удобнымъ. Для попеченія о немъ дали, кромѣ земствъ, земскихъ начальниковъ изъ тѣхъ же, какъ и земцы, разорившихся отъ безхозяйственности дворянъ. Потекли

изъ отощавшаго кармана новые гроши на новое кормленіе умирающаго сословія. Къ удивленію, дѣла народа не поправились, а пошли все хуже и хуже. Народъ сталъ голодать, окончательно палъ духомъ и проявляетъ во многихъ мѣстностяхъ несомнѣнные признаки вырожденія. Въ такомъ трагическомъ положеніи находится значительный процентъ населенія.

И въ этомъ виноваты мы, умственники. Въ исторію мы войдемъ съ клеймомъ позора на большомъ, можетъ быть, но глупомъ челѣ. Намъ нечего сваливать всѣ эти мерзости на правительство. Въ немъ присутствовали, его составляли мы, умственники. Какъ стародержавцы, такъ и новодержавцы, каждый по своему коверкали народную жизнь, не помогая и даже не давая развиваться ей естественнымъ путемъ, продѣлывая надъ ней всякіе преступные опыты. Въ то же время и его превосходительство изъ охровыхъ, и студентъ изъ красныхъ съ одинаковой беззастѣнчивостью тащатъ изъ народнаго кармана большія средства на свое содержаніе и образованіе, нисколько не смущаясь своимъ преступнымъ бездѣльемъ. Если вы, ваше превосходительство, получаете многотысячный окладъ изъ народныхъ денегъ, вы должны по совѣсти возвратить это народу честнымъ и просвѣщеннымъ трудомъ, а не такимъ, отъ котораго гибнутъ флоты и арміи. Если ваше образованіе, господинъ студентъ, обходится ежегодно около шестисотъ рублей народу, честно ли тратить драгоцѣнное время на политическую игру вмѣсто добросовѣстной подготовки къ добросовѣстному труду на пользу народа? Но какъ въ его превосходительствѣ, такъ и въ го-

сподинѣ студентѣ живетъ еще крѣпостникъ, который сейчасъ же обнаруживаетъ свои когти и инстинкты паразита, какъ только представится подходящій случай. Эта милая охро-красная пара, конечно, и не подумала ни разу, что она въ той же выразительной позѣ сидитъ на томъ же самомъ хребтѣ, на которомъ столько столѣтій просидѣло русское барство.

Каково же было состояніе того общества, изъ котораго выходили подобные дѣятели? Въ раздѣльности читатель уже знакомъ съ его обличными чертами.

Въ этомъ обществѣ отлились главнымъ образомъ: самодуръ-крѣпостникъ, формалистъ-чиновникъ, мечтатель-западникъ, фанатикъ-книжникъ. Въ стародержавцахъ побольше двухъ первыхъ, въ новодержавцахъ двухъ послѣднихъ. Разница только количественная, но никакъ не качественная. Та и другая партія, соприкасаясь съ русскою общественною жизнью, вносили въ нее не ладъ, а разладъ, подчасъ даже разгромъ и насиліе.

Исторія русскаго народа достаточно ярко это изображаетъ. Вспомнимъ насилія надъ духовенствомъ при *Петрѣ* и *Биронѣ,* гоненіе на все народное, русское, ломаніе на нѣмецкій ладъ при *Павлѣ*, *Аракчеевскій* гнетъ, насилія и убійства современныхъ политическихъ митрофанушекъ, насильственное введеніе классическаго образованія, бойкотъ, учиняемый во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ политическими цѣлями, варварская попытка искрошить русскій языкъ и т. д., и т. д.—безконечное множество насилій самодуровъ того и другого державства надъ

русскою жизнью. Стародержавцами сносилось все, что устраивалось новодержавцами,—вмѣстѣ съ дурнымъ и хорошее. То же дѣлали, когда получали власть, и новодержавцы. Русское общество перебрасывалось изъ одного крайняго теченія въ другое. Крѣпостническія замашки сжились съ возвышенными взглядами. Перенимали изъ-за границы все, но только не переняли главнаго—любви къ порядку, добросовѣстности и дѣловитости. Исповѣдывать возвышенные взгляды не стоитъ труда, а въ то же время красиво, ново. Выучиться толково и добросовѣстно дѣлать дѣло, напротивъ, требуетъ не красивыхъ словъ, а продолжительнаго, незамѣтнаго труда. На это любителей среди барства и умства оказалось у насъ мало. Зачѣмъ имъ? Они были обезпечены матеріально—кто имѣніями, кто чиновничьей службой. Чиновничьи преданія семей и поколѣніями въѣвшіяся чиновничьи влеченія тянули всѣхъ на тепленькія мѣстечки. На нихъ претворялись въ очень обличную однообразную массу и стародержавцы, и новодержавцы. Вдали его превосходительство, вблизи 20 число. Правила же службы въ Россіи очень просты: „чинъ чина почитай и крѣпче держись за тетенькинъ хвостикъ“. Поэтому барское празднолюбіе нашего умства и чиновничьи наслѣдственныя влеченія тянули и тянутъ его болѣе къ легкой службѣ, чѣмъ къ трудному самостоятельному дѣлу. Такого дѣла нашъ умственникъ не любитъ, да и дѣлать-то его не умѣетъ. Если же и возьмется, то скоро бросаетъ. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ въ нашемъ обществѣ вы наслышитесь очень много прекрасныхъ пожеланій, удивительно много

сѣтованій и не увидите никакого дѣла. Мы ѣздимъ за границу, восхищаемся ея всестороннимъ благоустройствомъ, а дома не ударимъ палецъ о палецъ, чтобы ублагообразить даже нашу обстановку. Въ городахъ грязь, вонь, въ мостовыхъ ямы или совсѣмъ нѣтъ мостовыхъ; тротуары (пѣшеходники) мѣстами непроходимы. Рѣки загрязнены фабричными и домовыми отбросами. Дома первобытны по устройству. Улицы наполнены пьяными оборванцами, часто полуобнаженными, не стѣсняющимися выполнять всенародно свои естественныя потребности. Много, много неурядицъ, которыя можно бы легко удалить, если бы у насъ было побольше склонности дѣлать, чѣмъ болтать о высокихъ чувствахъ и мысляхъ. Но, къ сожалѣнію, все наше ближайшее прошлое и настоящее словесное, отвлеченное образованіе, помимо уже барскаго празднолюбія, пріучило насъ исключительно къ разсужденіямъ, а не къ дѣлу. Книжный умъ, воспитанный въ граматической средней школѣ и на поверхностныхъ теоріяхъ университетскаго курса, совершенно неспособенъ руководить въ дѣйствительной жизни. Совершенно вѣрно подмѣтилъ одинъ профессоръ въ своей средѣ одну черту, которую онъ изобразилъ слѣдующими словами: „чѣмъ дальше мы углубляемся въ книжку, тѣмъ менѣе мы становимся способными дѣйствовать въ жизни“. Объясненіе явленія изъ общихъ началъ, или вообще въ теоріи, даетъ только его приблизительное пониманіе, но не умѣніе осязать его, обращаться съ нимъ, владѣть имъ. Для пріобрѣтенія этого умѣнія надо въ немъ упражняться, практиковаться, навыкать. Поэтому мы,

умцы,—и мертвый въ жизни народъ, что мы чуть не до 30 лѣтъ вращаемся и упражняемся только въ области отвлеченій. Но, какъ я уже пояснялъ раньше, отвлеченіе только вспомогательное звено нашего мышленія, а не сущности и вещи. Вращеніе въ ихъ области не можетъ дать дѣйствительнаго, жизнеспособнаго развитія и дѣятельныхъ навыковъ. Мы будемъ успѣвать въ мысли, словѣ, но не въ дѣлѣ. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. Мы чуть не превзошли нѣкоторые старые европейскіе народы своей словесностью, но за это же время сравнительно мало развили свою культуру въ области техники, земледѣлія и т. д. И это доказываетъ также, что вовсе не недостатокъ умственнаго развитія тутъ виною, а книжная, отвлеченная односторонность его. Умственное развитіе, пріобщенное къ жизни и къ дѣлу, даетъ дѣло, пріобщенное же только къ мысли даетъ мысль, но не дѣло. Воплощенію мысли въ дѣлѣ надо еще учиться, навыкать. Въ природѣ человѣка та и другое стоятъ еще очень далеко другъ отъ друга. У насъ же думаютъ какъ разъ наоборотъ: образованный человѣкъ все можетъ, ко всякому дѣлу годенъ. Идутъ даже далѣе по пути этого заблужденія. Говорятъ, что надо главнымъ образомъ общее образованіе, то-есть, судя по теперешнему его состоянію, еще болѣе сосредоточенное на мысли, а не на дѣлѣ. Понятно, если бы устройство нашей школы покоилось на естественныхъ требованіяхъ образованія и воспитанія, а не на искусственныхъ и ложно одностороннихъ, то можно бы было и утверждать, что общее образованіе главнѣйшее. Современное же

общее образованіе не только вредно, но прямо пагубно для прогресса жизни. Тѣмъ болѣе это вѣрно по отношенію къ народной школѣ, гдѣ образованіе преимущественно должно быть приспособлено къ жизни, предметно и плодотворно. Между тѣмъ народная школа теперь такъ же мертва, какъ средняя и высшая. Дѣти, не наученныя и не пріученныя въ семьѣ къ порядку и къ благонравію, въ школѣ пріучаются къ фасадному благонравію и порядку, къ рабскому самочувствію, рабскому мышленію и къ неспособности что-либо совершить. Уродливая семья, уродливая школа даютъ уродливыхъ дѣятелей, или, лучше сказать бездѣльниковъ. Для изобразительности школьнаго благонравія укажу на факты, которые каждый можетъ провѣрить собственнымъ наблюденіемъ. По окончаніи уроковъ въ нѣкоторыхъ женскихъ заведеніяхъ высыпаетъ изъ ихъ дверей рой юныхъ дѣвицъ, а ихъ уже ждутъ классики, реалисты и т. д. Отсюда вѣеромъ разсыпаются флиртирующія пары, попадая потомъ въ укромные уголки парковъ. Обманъ, ложь, фасадное только, чиновничье, исполненіе обязанностей во всѣхъ государственныхъ, общественныхъ и даже частныхъ учрежденіяхъ, воровскія дѣянія, насыщающія ихъ атмосферу, достаточно знакомы всѣмъ и дополняютъ картину другой стороны благонравія, воспитываемаго въ семьяхъ и школахъ. Жизнь общества, отравленнаго такимъ воздухомъ, окончательно затягиваетъ узелъ изъ гнилыхъ нитокъ, протянутыхъ семьей и школой. Чтобы судить о качествахъ дѣятелей, какихъ намъ даютъ семья и наша школа, посмотрите на любое дѣло, затѣянное ум-

цами. Посмотрите на дѣла нашихъ потребительныхъ обществъ (примѣръ: „Взаимная польза"), общественныхъ собраній (Врачебное собраніе), даже тѣхъ же земствъ и городскихъ управленій. Вездѣ красными нитями проходятъ несамостоятельность замысла, заимствованнаго чаще съ запада, неспособность къ организаціи и контролю, къ веденію дѣла, превращеніе управленій въ чиновничьи капища съ неизмѣннымъ умерщвленіемъ дѣла бумажнымъ дѣлопроизводствомъ и воровство, воровство и воровство. Кромѣ того, общественныя предпріятія и организаціи быстро вырождаются въ партійную борьбу или еще чаще личную. Очень скоро выступаютъ на сцену многочисленные любители превосходительствовать. Они составляютъ свою партію, которая часто вовсе не имѣетъ въ виду общественныя выгоды и даже не партійныя, а личныя съ разными темными цѣлями. Нѣтъ сознанія святости своего общественнаго долга. Онъ легко промѣнивается на личныя выгоды и даже просто подчасъ на капризъ или обиженное самолюбіе. Въ земскихъ засѣданіяхъ больше игры въ парламентъ и красивыхъ словъ, чѣмъ дѣла. Оттого 40-лѣтній періодъ земскаго завѣдыванія мѣстными дѣлами далъ народу сравнительно очень мало, а взялъ очень много. Конечно, земство все-таки гораздо больше сдѣлало, чѣмъ чиновничество въ неземскихъ губерніяхъ, но сравнительно съ тѣмъ, что оно могло бы сдѣлать за этотъ долгій періодъ, оно сдѣлало очень мало. И я увѣренъ, если бы въ него входило болѣе крестьянскаго сословія, чѣмъ дворянскаго, сдѣлано было бы гораздо больше. Но за этотъ же періодъ успѣлъ вы-

работаться типъ земца, интригана очень противной окраски. Еще недавно одинъ врачъ, возвратившійся изъ X., разсказывалъ мнѣ невзрачную исторію отношеній между врачами, раздѣлившимися на земцевъ и евреевъ, съ одной стороны, и военныхъ, съ другой. Евреи служили по обыкновенію бродиломъ среди русскаго тѣста. Сплетня, наговоры, науськиванія земцевъ на военныхъ врачей и администрацію. Хуленіе втихомолку и открыто всякаго шага послѣднихъ, сплоченная еврейско-земская оппозиція имъ. Одинъ изъ врачей-евреевъ держитъ очень обличную рѣчь о нравственности, заявляя, что „нравственнымъ онъ считаетъ все, что ему полезно". Въ то же время русскій земскій врачъ проповѣдуетъ, что въ общественной борьбѣ своего противника надо устранять по опредѣленному плану и именно, сперва его обезславить хоть даже простой сплетней, а при подходящемъ промахѣ съ его стороны всячески раздуть таковой и окончательно этимъ подорвать его общественное „положеніе". Какъ видите, нравственныя воззрѣнія, руководящія здѣсь, очень низменнаго свойства. Между тѣмъ земская борьба партій происходитъ главнымъ образомъ по такому плану. Когда партійныя страсти разгораются, борьба съ такими пріемами сводитъ земцевъ съ пути правильной общественной работы. Успѣхъ ея отъ этого необходимо подорванъ. Для человѣка свѣжаго, привыкшаго только въ дѣлѣ видѣть свою задачу, работать въ такой атмосферѣ свары, сплетни, подвоховъ невыносимо противно. Нѣкоторые изъ нихъ не выносятъ и отступаютъ. Мѣсто ихъ обычно занимаютъ дѣятели гуттаперчевой морали. Если

присоединить къ этимъ отрицательнымъ чертамъ неподготовленность къ практикѣ общественной жизни и отвлеченность, книжность нашего современнаго умственника, то врядъ ли можно ждать отъ него чего-либо дѣльнаго въ общественномъ руководительствѣ, кромѣ принципіальныхъ настроеній. Даже свое-то личное счастіе онъ давно уже разрушилъ—съ тѣхъ поръ, какъ увѣровалъ въ свои книжныя мечтанія. Входя въ живой потокъ людской жизни, онъ все стремится передѣлать сообразно своимъ мечтаніямъ о западныхъ образцахъ и книжнымъ теоріямъ. Въ семейную жизнь онъ вноситъ безусловныя отношенія, а она только и можетъ существовать при опредѣленно условныхъ отношеніяхъ. Его семья потому, естественно, разлагается. Въ общественную жизнь онъ опять вторгается съ выуженными изъ книжки или взятыми съ запада фантастическими рѣшеніями, нисколько не заботясь ее понять. Въ громадномъ большинствѣ его вытѣсняютъ изъ дѣла ловкіе практики, а если онъ успѣетъ что-либо сдѣлать, то сдѣланное настолько неумѣло и искусственно прилажено къ жизни, что быстро отмираетъ, не оставляя и слѣда. И это еще хорошій исходъ. Хуже, когда дикарь-книжникъ съ фанатической свирѣпостью и настойчивостью начнетъ проводить въ жизнь свои мечтанія. Приведемъ тотъ же примѣръ введенія классическаго образованія въ Россіи. Складъ русскаго ума—реальный, наблюдательный, значитъ самый правильный. Въ этомъ направленіи надо бы его и образовывать. Но книжникъ-фанатикъ слѣпъ. Онъ не видитъ дѣйствительности. Она заслоняется страстнымъ желаніемъ провести въ

жизнь свои воззрѣнія. Такъ произошло и въ данномъ случаѣ. Главная часть русскаго общества съ отвращеніемъ приняла классическую реформу и все время такъ или иначе противъ нея возставала. Въ этомъ отвращеніи, можетъ быть, много было безотчетнаго, инстинктивнаго. Но разъ оно было, были, значитъ, и внутреннія причины для этого. Реформа не привилась и дала плоды далеко не тѣ, о которыхъ мечтали реформаторы. Отвлеченность и иностранность школы окончательно отчудила умство отъ русской жизни. Классическія гимназіи подготовили молодежь, смѣющуюся надъ всѣмъ роднымъ, равнодушную къ судьбамъ родины, даже подчасъ ненавидящую ее. О религіи я уже и не говорю. Для нея у насъ осталась только усмѣшка. Все ея облагораживающее, возвышающее и объединяющее вліяніе на общество было устранено. Къ несчастію, разлагающее вліяніе нашей интеллигенціи не ограничилось только ея средой, но пошло далѣе, въ другіе слои русскаго народа. Какъ раньше дворянство, такъ теперь интеллигенція стала путеводной звѣздой для умственно выраставшихъ изъ русскаго народа. Значительный процентъ купечества, духовенства, мѣщанства, небольшой крестьянства и большой военнаго сословія, главнымъ образомъ офицерства, пошелъ за миражами интеллигентныхъ фразеровъ и фантазеровъ, забылъ свой долгъ передъ русскимъ народомъ. Особенно это печально по отношенію военнаго сословія, особенно теперь, когда нужно столько единства въ мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ среди него. Но лучше прочтите нѣсколько строкъ изъ письма сестры милосердія: „Солдатиковъ

я очень люблю. Сколько у нихъ покорности, сколько бодрости духа и какая непоколебимая вѣра въ могущество Россіи“. Затѣмъ описаніе военнаго интеллигента: полная противоположность солдатамъ офицеры: „очень мало среди нихъ хорошихъ, настоящихъ русскихъ людей. Солдаты не любятъ своихъ офицеровъ и, даже больше, презираютъ ихъ“.

Понятно, не всѣ офицеры таковы, какъ описываетъ сестрица, даже ихъ меньшинство. Тѣмъ не менѣе невольно рождается вопросъ: что̀ же это такое въ военномъ интеллигентѣ, что̀ дѣлаетъ его противнымъ и для солдата, и для сестрицы? Отвѣтъ есть въ выпискѣ изъ письма: офицеры—„не настоящіе русскіе люди“, а солдаты—настоящіе. Въ военномъ интеллигентѣ мы опять наблюдаемъ то же разложеніе, что и въ гражданскомъ: у нихъ не лежитъ сердце къ родному, русскому. Они его стыдятся, чуждаются, сравнивая съ иностранными да̀лями, которыя имъ рисуются въ книжкахъ и разсказахъ. Всѣ воззрѣнія и чувства, связанныя съ отечестволюбіемъ и вѣрой, конечно, тоже потухли или поблѣднѣли. Съ другой стороны, старыя язвы, барство, празднолюбіе, крѣпостническая закваска, часто отсутствіе чувства долга, чиновничье, фасадное, отношеніе къ дѣлу—все это еще болѣе отнимало расположеніе къ нимъ. Для свѣжаго наблюдателя такія черты противны, а тѣмъ болѣе для солдатика съ его непосредственной вѣрой въ родину, свою религію и въ святость своего русскаго долга. Военный интеллигентъ тожественъ съ гражданскимъ, солдатикъ—съ крестьяниномъ. У послѣдняго громадная нравственная сила, у перваго

полный нравственный и умственный разладъ и немощь. Какъ вся сила русской государственности въ простомъ народѣ, такъ вся сила русскаго войска въ солдатѣ. Тотъ и другой несутъ на своихъ могучихъ плечахъ болѣющіе умственно и нравственно высшіе слои народа, несутъ свою больную голову. Но... „при больной головѣ и ногамъ горе!“

Жизнь нашего офицерства извѣстна всѣмъ въ мирное время. Единицы только добросовѣстно углубляются въ суть своихъ военныхъ задачъ, остальные проводятъ праздное время въ черезчуръ жизнерадостной барской жизни. Вино, женщины, офицерскія собранія съ ихъ балами и картами, такія же домашнія вечеринки. А дѣло... шаблонныя ученья, неизмѣняющіяся десятками лѣтъ въ своихъ формахъ и внутреннемъ содержаніи. Грянула война съ врагомъ, у котораго все добросовѣстно устроено и на высотѣ современной военной техники,—и нашъ офицеръ является на поле битвы совсѣмъ *неподготовленнымъ*. А что значитъ *неподготовленность!* Слово какъ будто мало обвиняющее. Но посмотрите на совершившіяся событія теперешней войны, и вы увидите ея роковое значеніе. Въ мирное время, когда офицеръ во всей своей массѣ, а не единично, долженъ продумать всѣ мелочныя условія борьбы при нынѣшнемъ оружіи и не дѣлаетъ этого, совершается большое преступленіе: по меньшей мѣрѣ онъ виновенъ въ большомъ процентѣ потерь убитыми и ранеными. Для насъ, даже неспеціалистовъ, ясно теперь, какъ мало наши войска, а тѣмъ болѣе ихъ военачальники, стоятъ на должной высотѣ военнаго

искусства. Недавно, говорятъ, генералъ,—положимъ, *Штыкобоевъ*—сказалъ, что съ такими *михрютками*, какъ наши солдаты, трудно воевать. Но, господинъ генералъ, неужели въ 5 лѣтъ обученія вы не можете воспитать изъ нашего крестьянина съ его общепризнанными боевыми задатками хорошаго солдата? Почему славные *Суворовы* и *Скобелевы* дѣлали съ нимъ чудеса, покрывая русское оружіе все новой славой, а теперешніе генералы ничего не могутъ совершить кромѣ пораженій. Потому, вѣроятно, что они только чиновники настоящаго русскаго стиля, а не военачальники, способные воспитать солдата и талантливо вести въ бой. Писать военныя книжки, разводить питерскія интрижки, критиковать солдата, а не себя, куда легче! Военный интеллигентъ такой же кислый маринадъ, какъ и штатскій, вѣчно брюзжащій, вѣчно разъѣдающій всякое дѣло своей рефлексіей, своимъ барствомъ, своимъ чиновничьимъ духомъ, своей неспособностью къ живому дѣлу. Во всемъ позорномъ нашемъ военномъ провалѣ мы не видимъ никакихъ признаковъ виновности михрютки и всѣ признаки виновности интеллигентовъ *Штыкобоевыхъ*, много болтавшихъ и пировавшихъ въ мирное время, но мало занимавшихся живымъ военнымъ дѣломъ. Они ему обучаются только теперь, платя за науку десятки тысячъ лишнихъ жизней. Японецъ окапывается такъ быстро, что кажется „проваливается сквозь землю“; нашъ солдатъ этому не наученъ. Всюду у нихъ телефоны и телеграфы, всюду всевозможныя усовершенствованія техники, вся тактика приспособлена къ современному оружію;

у насъ полное пренебреженіе всѣмъ этимъ. Обуви даже подходящей не взяли. Солдатъ нашъ герой, офицеръ ему не уступаетъ въ храбрости, а вся душа военнаго дѣла, организація, управленіе представляютъ собой порядки разваливающейся помѣщичьей усадьбы. Тоже чиновничье-барское отношеніе къ своимъ обязанностямъ въ мирное время наблюдается и у моряковъ. Рауты, карты, веселье и немного офиціальнаго дѣла. А когда судьба призвала къ отвѣту, насталъ полный провалъ. Громадный тихоокеанскій флотъ уничтоженъ и уничтоженъ зря, почти что собственными руками, благодаря неумѣлому обращенію съ нимъ ихъ превосходительствъ. Моряки герои, офицеры ихъ герои, а флотъ погибъ. Кто же возвратитъ Россіи всѣ погубленные сотни милліоновъ, тысячи жизней, а главное потерянную силу. Ее создать быстро нельзя. Оставайся у насъ флотъ или погибни онъ, погубивъ и японскій, дѣла у Портъ-Артура имѣли бы другой исходъ, да и для всей кампаніи иной ходъ. Вотъ къ чему привела такъ называемая *неподготовленность*, кроющаяся въ чиновничье-барскомъ отношеніи къ дѣлу, въ ослабленіи любви къ своей родинѣ, наконецъ и въ нежизненности, фасадности, чрезмѣрной книжности нашихъ военныхъ школъ. Такимъ образомъ и въ военной средѣ мы встрѣчаемся съ тѣми же отрицательными чертами русскаго интеллигента.

Я не буду говорить о чиновничествѣ, этой гнойной язвѣ русской жизни. Оно всѣмъ достаточно знакомо. Духъ его до такой степени пропиталъ русское общество, что всякое общественное дѣло,

нисколько независимое отъ правительства, очень быстро по своемъ нарожденіи вырождается въ чиновничье гнѣздо со всѣми его обличными чертами. За грудами бумаги и чернилъ, водруженныхъ въ нашихъ городскихъ и земскихъ управахъ, мы не въ состояніи различить истиннаго положенія дѣлъ. Только по временамъ разныя катастрофы или скандалы раскрываютъ намъ окно, чрезъ которое мы видимъ вороха грязныхъ дѣлъ и дѣлишекъ. Точь въ точь въ маленькомъ размѣрѣ японо-русская катастрофа. Мы, выросшіе среди всевозможнаго безпорядка и *чиновничьихъ* дѣяній, такъ привыкли къ нимъ, что часто проходимъ равнодушными не только мимо безпорядка, но даже мимо катастрофъ. Мы въ сущности неравнодушны даже къ чиновнику, нѣкоторымъ образомъ благоговѣемъ передъ нимъ, и во всѣхъ слояхъ русскаго общества до такой степени разлиты чиновничьи инстинкты, что любого революціонера очень легко превратить въ самаго оформленнаго петербургскаго чиновника, и наоборотъ. Можетъ быть, ни въ одной странѣ ихъ кровь не перемѣшалась такъ тѣсно, какъ въ Россіи. И я лично весьма сомнѣваюсь, чтобы представительное правленіе у насъ въ состояніи было побороть это сродство. Конституція быстро превратится въ то, что мы имѣемъ въ настоящее время. Изъ больныхъ корней самого общества выросли мрачные цвѣты и плоды теперешняго нашего неблагополучія. Погромъ чиновничьяго строя настоящими событіями долженъ направить нашъ критическій взглядъ глубже, не на цвѣты и плоды только, но и на больные корни. Ихъ

надо лѣчить. Вы посмотрите, до какой степени чиновничество похоже на насъ и до какой степени мы похожи на него.

Стародержавцы, составляющіе значительную часть чиновничества, проповѣдуютъ принципы держиморды и гуттаперчевой спины, какъ лучшіе идеалы для управленія и управляемыхъ. Новодержавцы, составляющіе тоже значительную часть чиновничества, проповѣдуя представительство и свободу, въ чиновничьей практикѣ шествуютъ съ стародержавцами нога въ ногу, нисколько не уступая имъ въ наклонностяхъ къ насилію. При проведеніи своихъ принциповъ въ жизнь они также пользуются не законнымъ дѣломъ и убѣдительнымъ словомъ, а возмутительнымъ насиліемъ и гнуснымъ убійствомъ изъ-за угла съ помощью митрофанушекъ. Въ средѣ студенческой мы наблюдаемъ массовые случаи насилій надъ свободой мнѣній, насилій физическихъ и въ видѣ отлученія (бойкота). Особенно этимъ отличаются университеты одесскій и кіевскій, гдѣ тонъ задаютъ евреи. Большая часть органовъ печати въ рукахъ новодержавцевъ и ихъ крайнихъ представителей. Попробуйте напечатать что-либо несогласное съ ихъ взглядами. Безцеремоннѣе самаго заядлаго официальнаго цензора вычеркиваютъ все, что мало-мальски отступаетъ отъ ихъ ограниченныхъ, узко исповѣдныхъ, часто пошленькихъ взглядовъ. *Чеховъ* не могъ добиться имени писателя, пока не сталъ подъ знамя новодержавцевъ. Его съ упорствомъ замалчивали. Я знавалъ очень многихъ изъ довольно крайнихъ этой партіи, которые, поступая въ управители, преис-

правно поворовывали, гонялись за чинами и орденами, издѣвались надъ своими подчиненными, усиленно гнули спину передъ высшимъ начальствомъ, угнетали такъ или иначе проявленія свободнаго духа, однимъ словомъ поступали по всѣмъ правиламъ самаго заправскаго держиморды, т.-е. становились на дѣлѣ стародержавцами. При наблюденіи новодержавцевъ въ частной жизни я часто поражался ихъ крѣпостническими отношеніями къ простонародью. До какой степени они чиновники въ самоуправленіяхъ, я уже указывалъ раньше. Они превратили ихъ совершенно въ чиновничьи капища со всѣми ихъ грязными атрибутами. Просматривая исторію нашихъ учрежденій, основанныхъ стародержавцами, и ихъ особенностей, нельзя не замѣтить, до какой степени всѣ они были искусственны, насильственно приложены, насколько несамостоятельны, заимствованы съ запада, а часто и совершенно книжнаго происхожденія. То же мы видимъ и въ вожделѣніяхъ новодержавцевъ. Никто изъ нихъ не знаетъ русскаго народа, духа его исторіи, его стремленій, задачъ, нуждъ. Всѣ они, стародержавцы и новодержавцы, приходятъ мѣрить русскую жизнь и ея ростъ иностраннымъ мѣриломъ. Крѣпостники по природѣ, баре и самодуры по своимъ привычкамъ, книжники по своимъ знаніямъ, неопытныя дѣти по своей дѣловой безпомощности, иностранцы по своему образованію и вожделѣніямъ, дикари по своимъ культурнымъ свойствамъ, лишенные чувства долга и порядка, что могутъ дать и тѣ и другіе русской общественной жизни? По своимъ воззрѣніямъ ново-

державцы соприкасаются съ нею на такихъ отвлеченныхъ высотахъ, гдѣ можетъ имѣть мѣсто только принципіальное настроеніе, но не дѣло. Въ дѣлѣ же они такъ слабы, что несомнѣнно попадутъ въ будущемъ въ лапы разныхъ общественныхъ хищниковъ, особенно изъ евреевъ, забирающихъ въ свои когти общественныя наши теченія беззастѣнчиво, систематически, съ умомъ и замѣчательной настойчивостью. „Нравственно все то, что мнѣ полезно"—принципъ, исповѣдуемый хищникомъ, дѣлаетъ его грознымъ и бѣдоноснымъ для общества, въ которомъ онъ живетъ. Но если это общество, какимъ является наше, не сплочено ни любовью къ родинѣ, ни любовью къ своимъ обычаямъ, вѣрѣ, расѣ, а напротивъ, какъ истый психопатъ, питаетъ отвращеніе къ своимъ и тяготѣетъ къ другимъ народамъ,—такое общество чрезвычайно легко можетъ сдѣлаться добычею хищника, попавъ въ его хитро разставленныя сѣти. Эти сѣти уже въ значительной степени заполонили русскій народъ. Двѣ трети повременныхъ изданій въ еврейскихъ рукахъ, множество вліятельныхъ лицъ сидитъ въ ихъ карманѣ, большой, несоразмѣрно большой процентъ ихъ присутствуетъ въ вольныхъ профессіяхъ, чуть не вся вывозная торговля въ ихъ рукахъ, банковое и западно-фабричное дѣло переполнено ими. Они, наконецъ, въ значительномъ числѣ попадаются среди революціонеровъ. Недавно еще говорили, когда что-нибудь произойдетъ: „ищите женщину!"—теперь приходится совѣтовать: „ищите еврея". Я не могу себя причислить къ ненавистникамъ евреевъ. Напротивъ,

наблюдая большую даровитость ихъ, какъ-то невольно хочется, чтобы они были болѣе добры и скромны и менѣе хищны и властолюбивы. Къ сожалѣнію, дѣйствительность все болѣе и болѣе разоблачаетъ ихъ опасныя для насъ, простофиль, стремленія. Почти навѣрняка можно предсказать, что при равныхъ шансахъ въ свободной жизненной борьбѣ мы вскорѣ будемъ побиты и запищимъ въ ихъ крѣпкомъ кулакѣ. И они это очень хорошо знаютъ, почему всячески стараются ослабить стѣсняющее ихъ правительство, не сомнѣваясь въ побѣдѣ надъ слабымъ русскимъ обществомъ. Въ ближайшемъ такой ихъ расчетъ несомнѣнно вѣренъ. Во всякомъ случаѣ въ настоящее время приходится наблюдать довольно смѣшную и жалкую картину, какъ умный и безжалостный еврей водитъ за носъ простоватаго русскаго интеллигента. Въ еврейскихъ университетахъ не только русскіе профессора держатъ руки по швамъ передъ студентами евреями, но даже и студенты не смѣютъ вступать съ ними въ пререканія и смиренно идутъ у нихъ въ поводу. Точь въ точь такъ же, какъ ихъ предшественники передъ польскимъ возстаніемъ шли послушно, по-бараньи, за поляками-агитаторами. Въ родной землѣ, политой кровью предковъ-завоевателей, русскій человѣкъ унижается передъ издѣвающимся надъ нимъ евреемъ главнымъ образомъ потому, что плохо различаетъ, гдѣ кончается либерализмъ и начинается идіотизмъ, потому, что онъ пересталъ быть русскимъ, обезличился, превратившись въ космополитическій футляръ, простую посудину. Ничего, продолжайте такъ и

далѣе, пока настанетъ пора, когда въ нее вамъ еще сто разъ наплюютъ. Авось, тогда вы поймете, что не національизмъ—глупость, а космополитизмъ. Я говорю, конечно, только о настоящемъ времени. Въ очень отдаленномъ будущемъ, возможно, будетъ и наоборотъ. Но теперь это глупая мечта, естественная въ единицахъ, но пагубная для народа въ его цѣломъ умствѣ. Національная идея, патріотическое чувство, громадная, благородная, гордая сила, объединяющая весь народъ въ его совокупно сознанныхъ стремленіяхъ. На своихъ бокахъ вы можете провѣрить, что сдѣлала эта сила съ японцами. Въ своемъ печальномъ, растерянномъ образѣ вы можете прочесть, что значитъ ея отсутствіе. Я далекъ отъ того, чтобы приписать отсутствію патріотизма все, что сейчасъ происходитъ. Изъ всего вышеизложеннаго это уже понятно само собой. Но при всей винѣ въ теперешнихъ внутреннихъ и внѣшнихъ катастрофахъ стародержавнаго управленія, при всей накопившейся ненависти въ обществѣ за причиненныя обиды человѣку и гражданину — признаемъ ее законною—нельзя объяснить и оправдать все происходящее теперь политическое безобразіе. Только слабость національнаго сознанія и патріотическаго чувства могла довести народъ до стихійнаго междусобія въ такой историческій моментъ, когда всѣ силы и мысли должны бы быть дружно направлены на борьбу съ врагомъ. Да, мы утратили національную идею. Мы не понимаемъ поэтому ничего въ японо-русской борьбѣ. Наше гимназическое мышленіе и самосознаніе не могутъ разобраться, зачѣмъ намъ Манджурія, даже зачѣмъ

намъ Сибирь. Мы до такой степени сузили свой кругозоръ книжными и личными перспективами, что совершенно неспособны видѣть другія да́ли, рисующія намъ судьбы всего государства. И въ этомъ печальномъ явленіи, въ утратѣ государственнаго смысла и чувства, сказываются въ извѣстной степени роковые итоги удаленія народа и въ школѣ, и въ жизни отъ общественныхъ и государственныхъ задачъ. Лопнули помочи, на которыхъ староде́ржавцы думали вѣчно водить народъ—и онъ сейчасъ же упалъ, и упалъ въ то время, когда долженъ былъ защищаться отъ смертоносныхъ ударовъ врага. Вотъ оно, что значить жизнь, эта жестокая учительница! Она требуетъ повиновенія своимъ законамъ, а не фантастическимъ мечтаніямъ. Мы проливали слезы умиленія надъ миромъ со всѣмъ міромъ и, ослѣпленные своими мечтами, не замѣчали, что ножъ японца уже отточенъ, чтобы вонзить въ нашу грудь. Еще щеки наши пламенѣютъ отъ пощечинъ, а мы готовы уже въ своемъ безличіи не только заключить съ нимъ миръ, но даже вступить въ союзъ. Смотрите, чтобы жизнь васъ еще не поучила! Довольно пока одного унизительнаго мира. Недолго намъ придется ждать и его разорительныхъ и оскорбительныхъ послѣдствій. Наше общество какъ капризный, своенравный ребенокъ относится къ государственнымъ задачамъ, да и общественнымъ. Нерасположены воевать,—сейчасъ же, какой бы цѣны это ни стоило, заключай миръ. Опротивѣлъ, сталъ невыносимъ дѣйствительно невозможный порядокъ вещей,—круши все, ломай безъ остатка, производи

забастовки до тошноты, до карикатуры, до смѣшного. Но отъ смѣха всегда недалеко и до слезъ. Смотрите, чтобы за вами не всколыхнулся весь русскій океанъ! Не затопилъ бы онъ и васъ своими волнами! Во всемъ этомъ мы только стихійны, а не осмысленны. Дикарь глядитъ и изъ смокинга, и изъ лайковыхъ перчатокъ, и изъ ученаго труда, и изъ конституціи, и изъ проповѣди порядка, законности, гуманности и т. д. Все это только слова, слова, слова. Мы требуемъ законности сверху, а что мы дѣлаемъ съ законами сами? Даже тѣ порядки и законы, которые устанавливаетъ само общество, оно обыкновенно не исполняетъ. Вотъ вамъ маленькій примѣръ: года три установленъ налогъ на собакъ въ Москвѣ, имѣющій громадный практическій смыслъ, но посмотрите, сколько бѣгаетъ ихъ безъ номеровъ и какъ мало съ номерами. То же и относительно уваженія личности, мнѣній. Стародержавцы свели отношенія къ обывателю, гражданину, печатному слову, отдѣльному мнѣнію на одно усмотрѣніе. Новодержавцы нисколько не отличаются въ лицѣ своихъ крайныхъ представителей отъ стародержавцевъ своей нетерпимостью къ чужому мнѣнію, совершеніемъ даже насилія надъ своими противниками, не исключая и убійства, даже превосходятъ ихъ. Во всѣхъ этихъ соціалистахъ, анархистахъ, революціонерахъ сидитъ прежде всего самодуръ и здоровенный держиморда, а потомъ уже маленькій, очень маленькій гражданинъ. И среди конституціонныхъ порядковъ непремѣнно вылѣзетъ самодуръ и хищникъ и установитъ все по своей волѣ и своимъ вкусамъ.

Всѣ пріемы борьбы новодержавцевъ обличаютъ присутствіе среди нихъ значительнаго процента такихъ самодуровъ, но въ то же время не мало и тѣхъ барашковъ, которые всегда готовы и для стрижки, и для жаренаго. При такихъ-то данныхъ состоянія изломанной нашей русской жизни, мы подошли къ ея настоящему моменту.

Слѣпое своекорыстное, чисто чиновничье правленіе стародержавцевъ, крушеніе всего ихъ давно отслужившаго зданія подъ напоромъ войны сдѣлали современное положеніе воочію невозможнымъ, нетерпимымъ, грозящимъ прямо разрушеніемъ. Но оно уже и до войны было поколеблено тѣми политическими молніями, электрическими токами, которые чрезъ него пропускали разные толки или породы новодержавцевъ. Отъ этихъ токовъ, усиленныхъ особенно въ послѣднее время, истерическое русское общество впало въ тѣ конвульсіи, судороги, которыя мы наблюдаемъ въ настоящее время. Нельзя сказать, чтобы эти судороги не были мѣстами согласованы и даже сознательны. Рабочій классъ, болѣе здоровый, обнаружилъ движеніе несомнѣнно грандіозное и осмысленное въ области своихъ ближайшихъ потребностей и выгодъ. Но и это движеніе успѣло въ концѣ-концовъ опакостить своимъ прикосновеніемъ политическое митрофанство. Не то въ другихъ сословіяхъ, ищущихъ скорѣе политической дѣятельности. Ихъ движеніе не производитъ впечатлѣнія сознательности, вылившейся въ осмысленную форму. Новодержавцы дали имъ настроеніе значительнаго напряженія, вдохнули въ нихъ духъ сво-

боды личной и гражданской, но не дали этому духу плоти. Они набаламутили только старую плоть; но она отжила. Поэтому много, еще много времени пройдетъ, пока русское общество соотвѣтственно переродится. Если бы новодержавцы были умнѣе, добросовѣстнѣе, трудоспособнѣе и смѣлѣе, если бы они не смотрѣли на западныя политическія вольности, какъ на смокингъ и лайковыя перчатки, они поступили бы иначе. Не въ теоріи, а въ практикѣ жизни они старались бы перевоспитать русское общество. Но этого не было сдѣлано своевременно отчасти по непониманію и политическому неразвитію, отчасти изъ-за шкурнаго трепета, и потому многимъ, неприспособленнымъ къ новымъ запросамъ, придется потонуть, прежде чѣмъ они выучатся плавать. Да и всему русскому обществу еще не разъ придется захлебнуться, прежде чѣмъ оно привыкнетъ къ ловкимъ движеніямъ въ слишкомъ бурныхъ водахъ личной и общественной свободы. Такая свобода предполагаетъ между прочимъ усиленную борьбу съ хищными представителями общества, и къ такой борьбѣ мы совсѣмъ не подготовлены. Плохо будетъ, если общество своевременно этого не пойметъ. Воровскихъ и узурпаторскихъ элементовъ среди него очень много, но мало „порядочныхъ людей такъ же смѣлыхъ, какъ мошенники“, что составляетъ силу Англіи, по словамъ лорда Эбердина. Положимъ, англичанинъ бываетъ порядочнымъ только дома, а въ другой странѣ онъ немедленно дѣлается мошенникомъ. Примѣръ Англіи для насъ поучителенъ и съ другой стороны. Почти

все усовершенствованіе ея правленія произошло путемъ естественнаго роста, путемъ эволюціи. И мы могли бы обойтись этимъ здоровымъ путемъ, если бы наше умство меньше гонялось за подражаніемъ феерiямъ революцiй Франціи, больше бы изучало свой народъ и оздоровляло бы его корни—религію, семью, школу, законы, порядокъ. Но въ этихъ областяхъ мы какъ нарочно старались разрушить все хорошее, замѣняя его всякой гнилью, собранной на западѣ. Въ концѣ-концовъ мы очутились въ кругу нелѣпостей, народившихся на почвѣ столкновенія и взаимнаго разрушенія естественныхъ общественныхъ явленій съ безпочвенными искусственными мѣропріятіями. И все больше и больше общество уходитъ въ чащу этихъ нелѣпостей и, кажется, уже совсѣмъ заблудилось въ нихъ. Но надо же, наконецъ, очнуться, найти другъ друга въ этомъ лѣсу и выйти на вѣрный путь пониманія своихъ *русскихъ* задачъ и перестроить жизнь на началахъ не только общечеловѣческихъ, но и ея собственныхъ. Для этого необходимо намъ прежде всего знать самихъ себя. Между тѣмъ, несмотря на болѣе чѣмъ тысячелѣтнюю историческую жизнь, мы сами для себя все еще сфинксъ, таинственный народъ. Человѣкъ не человѣкъ, если у него не развито самосознаніе, но и народъ не народъ, если его самосознаніе по крайней мѣрѣ туманно. Тогда только, когда мы себя изучимъ и будемъ знать, наше государственное строительство будетъ итогомъ строго фактически обоснованнаго плана, а не итогомъ политической маниловщины.

ГЛАВА VIII.

Заключеніе.

Итакъ, наше иностранное образованіе, постоянныя заимствованія съ запада во всѣхъ областяхъ оторвали насъ отъ всѣхъ родныхъ задачъ, отъ религіи, отъ народа, сдѣлали насъ по чувствамъ и воззрѣніямъ международниками, лишили насъ русскаго мѣрила для оцѣнки потребностей нашей русской жизни. Въ то же время еще крѣпко сидящій въ насъ крѣпостническій и барскій духъ велъ насъ по пути безцеремоннаго управленія народомъ съ явными проявленіями насилія, беззастѣнчиваго обиранія его, слишкомъ расточительной жизни, презрительнаго отношенія къ другому труду, кромѣ служилаго (чиновничьяго) и умственнаго. Крѣпостническій духъ сдѣлалъ насъ самодурами, нетерпящими возраженій, и заложилъ фундаментъ для держимордства, оформившагося въ гоголевскій типъ въ чиновничествѣ и въ звѣроподобный въ революціонной группѣ. Чиновничье тщеславіе, мѣстничество, самомнѣніе, даже самовосторженность въ лицѣ питерскаго превосходительства, фасадное трудолюбіе, фасадная законность, любовь къ канцелярщинѣ, высокомѣріе и даже презрѣніе къ подчиненнымъ и управляемымъ отравили все русское общество, пропитали до основанія всѣ наши самоуправленія и даже низшіе управляющіе слои народа. Чиновничій духъ извратилъ наше духовенство, лишивъ его силы духовнаго вліянія на народъ. У православія остались фасады, а душа отлетѣла. Даже революціонные слои все

все усовершенствованіе ея правленія произошло путемъ естественнаго роста, путемъ эволюціи. И мы могли бы обойтись этимъ здоровымъ путемъ, если бы наше умство меньше гонялось за подражаніемъ феерiямъ революцій Франціи, больше бы изучало свой народъ и оздоровляло бы его корни—религію, семью, школу, законы, порядокъ. Но въ этихъ областяхъ мы какъ нарочно старались разрушить все хорошее, замѣняя его всякой гнилью, собранной на западѣ. Въ концѣ-концовъ мы очутились въ кругу нелѣпостей, народившихся на почвѣ столкновенія и взаимнаго разрушенія естественныхъ общественныхъ явленій съ безпочвенными искусственными мѣропріятіями. И все больше и больше общество уходитъ въ чащу этихъ нелѣпостей и, кажется, уже совсѣмъ заблудилось въ нихъ. Но надо же, наконецъ, очнуться, найти другъ друга въ этомъ лѣсу и выйти на вѣрный путь пониманія своихъ *русскихъ* задачъ и перестроить жизнь на началахъ не только общечеловѣческихъ, но и ея собственныхъ. Для этого необходимо намъ прежде всего знать самихъ себя. Между тѣмъ, несмотря на болѣе чѣмъ тысячелѣтнюю историческую жизнь, мы сами для себя все еще сфинксъ, таинственный народъ. Человѣкъ не человѣкъ, если у него не развито самосознаніе, но и народъ не народъ, если его самосознаніе по крайней мѣрѣ туманно. Тогда только, когда мы себя изучимъ и будемъ знать, наше государственное строительство будетъ итогомъ строго фактически обоснованнаго плана, а не итогомъ политической маниловщины.

ГЛАВА VIII.

Заключеніе.

Итакъ, наше иностранное образованіе, постоянныя заимствованія съ запада во всѣхъ областяхъ оторвали насъ отъ всѣхъ родныхъ задачъ, отъ религіи, отъ народа, сдѣлали насъ по чувствамъ и воззрѣніямъ международниками, лишили насъ русскаго мѣрила для оцѣнки потребностей нашей русской жизни. Въ то же время еще крѣпко сидящій въ насъ крѣпостническій и барскій духъ велъ насъ по пути безцеремоннаго управленія народомъ съ явными проявленіями насилія, беззастѣнчиваго обиранія его, слишкомъ расточительной жизни, презрительнаго отношенія къ другому труду, кромѣ служилаго (чиновничьяго) и умственнаго. Крѣпостническій духъ сдѣлалъ насъ самодурами, нетерпящими возраженій, и заложилъ фундаментъ для держимордства, оформившагося въ гоголевскій типъ въ чиновничествѣ и въ звѣроподобный въ революціонной группѣ. Чиновничье тщеславіе, мѣстничество, самомнѣніе, даже самовосторженность въ лицѣ питерскаго превосходительства, фасадное трудолюбіе, фасадная законность, любовь къ канцелярщинѣ, высокомѣріе и даже презрѣніе къ подчиненнымъ и управляемымъ отравили все русское общество, пропитали до основанія всѣ наши самоуправленія и даже низшіе управляющіе слои народа. Чиновничій духъ извратилъ наше духовенство, лишивъ его силы духовнаго вліянія на народъ. У православія остались фасады, а душа отлетѣла. Даже революціонные слои все

болѣе и болѣе обнаруживаютъ крѣпостническіе инстинкты въ дикости взрывовъ самодурства, проявляемаго въ насиліяхъ надъ несогласными съ ними, въ грубостяхъ расправы, во вкусахъ держиморды, въ полномъ пренебреженіи и презрѣніи ко всему, что лежитъ за границей ихъ фанатическихъ влеченій. Проповѣдуемая ими свобода поэтому слишкомъ похожа на городового.

Разоренная семья, безпорядочная, безхозяйственная, какъ дворянская усадьба, съ разрушенными нравственными связями, выслала въ школу дѣтей, не пріученныхъ къ порядку и святости долга. Школа ихъ пріучила къ фасадному порядку, къ чиновничьему взгляду на свои обязанности и знанія, оторвала отъ русской жизни, превративъ въ мертвыхъ книжниковъ съ иностранными воззрѣніями. Всѣ эти душевныя, умственныя и нравственныя особенности русскаго умства, сложившіяся въ теченіе его исковерканнаго историческаго роста, создали стародержавцевъ, осквернившихъ русское знамя и изуродовавшихъ естественное развитіе нашей гражданственности. Но значительная доля тѣхъ же качествъ живетъ и въ новодержавцахъ, уродуя практическое выполненіе ихъ задачи, поставленной принципіально во многихъ отношеніяхъ справедливо. Я не буду въ этомъ заключеніи касаться подробностей, такъ какъ онѣ извѣстны уже ранѣе, а всѣ соотношенія явленій нашей общественной жизни, ихъ связи, тоже довольно отчетливо выяснились.

Далѣе же мнѣ хотѣлось бы набросать короткую

программу того, что, по моему мнѣнію, могло бы оздоровить нашу жизнь. При этомъ я, конечно, остаюсь безпристрастнымъ къ партіямъ стародержавцевъ и новодержавцевъ, т.-е. въ сторонѣ отъ той или другой изъ нихъ, одинаково для меня несимпатичныхъ.

Конечно, въ задачу этой программы не можетъ входить *быстрое* превращеніе общества въ нѣчто иное, лучшее, чѣмъ оно есть. На это можетъ разсчитывать близорукость и невѣжество анархиста, а не разумный взглядъ на жизнь общества. Разъ оно живетъ, слѣдовательно, растетъ. А что растетъ, то не можетъ быть перекроено въ любой моментъ, по любому покрою, но можетъ быть только поставлено въ условія болѣе правильнаго роста.

Изложеннымъ выше анализомъ я старался выяснить ненормальныя условія этого роста. Начнемъ съ семьи. Уже изъ сказаннаго выше ясно, что благоустройство ея имѣетъ громадное воспитательное значеніе. И въ этомъ воспитаніи юныхъ членовъ семьи главная роль принадлежитъ женщинѣ. Она воспитаніемъ ихъ въ порядкѣ и чувствѣ долга создаетъ для народа такъ нужныхъ для него честныхъ и плодовитыхъ дѣятелей. Англичанинъ, нѣмецъ сильны, потому что сильна у нихъ семья, сильна своимъ нравственнымъ и внѣшнимъ порядкомъ. Для нашей распущенности смѣшны „zierlich, manierlich, ganz accurat“ нѣмца, а между тѣмъ это страшная сила его общественной и государственной жизни. У насъ все ползетъ въ разныя стороны во всѣхъ нашихъ дѣлахъ *отъ нелюбви и*

непривычки къ порядку. Можетъ быть, въ этомъ сказывается въ значительной степени нашъ природный нравъ, но тогда тѣмъ болѣе семья должна вооружиться противъ такой черты. Тѣмъ болѣе съ самаго малаго возраста слѣдуетъ во всѣхъ мелочахъ жизни пріучать къ порядку и выполненію своихъ обязанностей. Сюда же должно примкнуть и религіозное воспитаніе. Когда нравственныя отношенія освѣщены для ребенка святостію божественнаго требованія или религіозной чистоты, тогда онъ болѣе хранитъ ихъ, горячѣе слѣдуетъ имъ. Я не говорю уже о прямомъ, непосредственномъ значеніи для него религіи. Объ этомъ тутъ не мѣсто распространяться. Но, мнѣ кажется, нелишне здѣсь отмѣтить господствующій у насъ индиферентизмъ въ религіозной обрядности. Это большая, по-моему по крайней мѣрѣ, ошибка. Для Бога, понятно, все равно, сколькими пальцами я крещусь, употребляю я постную пищу въ видѣ рыбнаго стола или растительнаго. Но для народа единство обрядности не безразлично. Оно его несомнѣнно *въ особенности* сплачиваетъ. Было бы въ высшей степени нелѣпо, если бы семья, общество и государство этимъ пренебрегали. Но мы какъ разъ все дѣлали, чтобы произошелъ обрядный разладъ въ народѣ и очень мало для его объединенія. Можетъ быть *сердечное* пламя, исходящее изъ духовныхъ очаговъ, въ этомъ случаѣ болѣе бы сдѣлало, чѣмъ *безсердечныя* расправы.

То, что сдѣлаетъ семья для порядка и чувства долга, должна продолжать школа. Но она видо-

измѣняетъ ихъ въ сторону общественности, присоединяя къ нимъ умственное развитіе и знанія. Я уже раньше намѣтилъ, въ какомъ направленіи школа должна быть преобразована. Въ отношеніи воспитанія подчиненіе личности должно быть поставлено на второй планъ, а на первый—подчиненіе *долгу*. Тогда мы только получимъ не плохихъ чиновниковъ, а настоящихъ дѣльныхъ гражданъ, свято чтущихъ свои обязанности въ общественномъ и государственномъ дѣлѣ. Изъ школы должны быть изгнаны всякія дядьки и мамки, классныя дамы и наставники, по возможности и прислуга. Дѣти сами должны пріучаться поддерживать порядокъ и обиходъ школы. Въ учителѣ должна присутствовать не *сердечная* распущенность, а *сердечная* строгость. Образованіе должно быть обязательно *предметнымъ, образнымъ, практичнымъ*, а не книжнымъ. Книжка, конечно, неизбѣжна, но только какъ вспомогательное средство. Слѣдуетъ, гдѣ только можно, учить въ жизни. Надо бросить затхлый обычай обученія въ четырехъ стѣнахъ. Школа—только лабораторія и музей, только письмальня и читальня. Поля, лѣса, парки и сады, звѣздное небо и солнце, картинная галерея, историческія зданія съ ихъ сокровищами старины, музеи, окружный судъ, земское собраніе, городское, театръ и т. д. все должно быть использовано учителемъ для просвѣщенія своихъ учениковъ. Тогда только раздвинутся четыре стѣны и вмѣстятъ весь міръ, который стремится объяснить учитель. Тогда только откроется въ ученикѣ поглощающая жажда знанія, любовь къ изучаемой имъ

родинѣ во всѣхъ уголкахъ, а не туманныя мечтанія о заграничныхъ небесахъ. Что худо на родинѣ, онъ будетъ знать и, будучи дѣятелемъ, постарается худое передѣлать на хорошее. Выборъ предметовъ образованія опредѣляется, кромѣ ихъ полезности, важностью ихъ для развитія того или другого пріема мышленія. *Наблюдательность* и способность *предметнаго анализа,* различенія признаковъ предмета, упражняется самою *предметностью* образованія, а въ частности естественной исторіей, т.-е. ботаникой, зоологіей. Ими же воспитывается лучше всего способность *рядованія,* классифицированія и распознаванія. *Наведенію,* индукціи, лучше всего можно обучиться на физикѣ, а *выводу,* дедукціи, преимущественно въ *математикѣ.* Что касается *причиннаго анализа,* совмѣщающаго въ себѣ предыдущіе пріемы, ему можно обучаться во многихъ изъ упомянутыхъ выше наукъ. Весьма важно познакомить учениковъ съ *счисленіемъ* (статистикой) и *счислительными аналитическими* пріемами (см. мою книжку „Методы разработки клиническаго матеріала"), столь важными теперь при раскрытіи связей множественныхъ причинъ.

Конечно, и въ другихъ наукахъ, какъ исторія, физіологія, патологія и т. д. можно упражнять всѣ эти способы мышленія, лишь бы учитель сознательно и умѣючи относился къ своей задачѣ. Къ сожалѣнію, учителя мало обращаютъ вниманіе на развитіе правильнаго, сознательнаго мышленія у своихъ учениковъ, большею частью и сами на практикѣ не зная значенія своего предмета въ отношеніи мы-

шленія. Между тѣмъ это должно бы быть ихъ коренной задачей. Учительскія семинаріи должны бы на это обратить преимущественное вниманіе. Кромѣ того, школа должна преслѣдовать еще одну основную цѣль — *раздѣльное упражненіе способностей*. Упражняя наблюдательность въ области естественныхъ наукъ, мы не обучимъ ученика наблюдательности въ области общественныхъ явленій. Обучая дедуктивному, выводному пріему въ математикѣ, не обучимъ въ физикѣ, а тѣмъ болѣе въ исторіи. Опять требуется *раздѣльное упражненіе*. Отсюда требованіе разнообразія предметовъ образованія. Помимо натаскиванія учениковъ въ сознательномъ мышленіи по отдѣльнымъ отраслямъ, необходимо преподаваніе *мыслеводства* (логики) въ отдѣльномъ видѣ, самого по себѣ, и непремѣнно практически. Теоретическое его преподаваніе, какъ практикуется теперь, совершенно безцѣльно, особенно въ видѣ формальной логики. Это только потеря времени и труда. Вотъ, по моему мнѣнію, единственно правильное и раціональное построеніе школьнаго образованія и воспитанія. Тѣ же принципы преподаванія должны проникать и въ спеціальныя школы, не исключая университета. При такой только системѣ преподаванія и воспитанія мы можемъ разсчитывать образовать критическій и правильный умъ и воспитать настоящихъ жизненныхъ дѣятелей, понимающихъ и чувствующихъ родныя задачи.

Воспитаніе и образованіе народа идетъ и далѣе, кромѣ семьи и школы, въ общественной жизни. И чѣмъ послѣдняя доступнѣе ему, проницаемѣе,

тѣмъ больше воздѣйствуетъ на его умственное и нравственное 'развитіе. Чѣмъ правильнѣе человѣкъ воспитывался въ семьѣ и школѣ, тѣмъ правильнѣе онъ будетъ развиваться и въ общественной практикѣ, упорядочивая ее въ свою очередь все болѣе и болѣе.

Къ сожалѣнію, ни наша сорная общественная жизнь, ни наша разстроенная семья, ни наша уродская иностранная школа не могли дать дѣльныхъ русскихъ людей, людей порядка и долга. Мы—крѣпостники, баре; книжники, мечтатели; международники, а не русскіе; скорѣе анархисты, чѣмъ люди порядка; свободники на словахъ, насильники на дѣлѣ; слишкомъ склонны къ самодурству, что нѣмецъ въ нашихъ интелигентахъ деликатно назвалъ: „sind zu neigt, persönlich zu werden". Наконецъ, мы черезчуръ мало знакомы съ тѣмъ, что называется честностью. Врядъ ли съ такими качествами можно много сдѣлать для своего народа при какомъ бы то ни было образѣ правленія. Только тогда мы выйдемъ на настоящій путь, когда сознаемъ всѣ эти свои недостатки и всячески будемъ стремиться себя *перевоспитать* и *переобразовать*. Въ особенности теперь, когда русское общество свыше призвано къ участію въ законодательствѣ народа, его долгъ—постараться поднять себя на высоту того умственнаго и нравственнаго совершенства, той общественной и государственной годности, какія необходимы для завершенія ихъ великой и отвѣтственной задачи.

Но, что же дѣлать теперь, спросятъ. Общество

въ своемъ служиломъ сословіи наполнено въ громадномъ процентѣ ворами и бездѣльниками. Какъ съ ними быть, какъ отъ нихъ защититься. Я отвѣчу: пока единственное средство — обезпечить служилое сословіе настоящимъ жалованьемъ, а не копеечнымъ, но въ то же время издать драконовскіе законы на всякую небрежность и упущенія по службѣ, а тѣмъ болѣе на воровство. Не надо жалѣть денегъ на организацію независимаго фактическаго контроля. Пусть служба контролируется также самимъ обществомъ, печатью. Судъ надъ служащими долженъ быть гласный и независимый. Призванный по волѣ Государя къ законодательной дѣятельности, русскій народъ имѣетъ возможность приготовить хорошій бичъ для своихъ пороковъ. И это неизбѣжно, необходимо. Иначе мы пропадемъ со своею всесторонней, все проницающей и все разрушающей распущенностью. Присмотритесь къ подробностямъ настоящей войны и гнусностямъ политической борьбы, грозящимъ сдѣлаться нашей могилой. Онѣ всѣ выложены нашими пороками. Теперешнія крушенія представляютъ собой вовсе не крушеніе только одряхлѣвшаго чиновничьяго строя, но и крушеніе итоговъ нездоровой жизнедѣятельности нашего образованнаго общества. Перемѣнить строй недолго, но вотъ сознать свои пороки и приступить къ лѣченію больныхъ корней всей нашей общественной и государственной жизни, эта задача потруднѣе. Тутъ нуженъ сознательный громадный совмѣстный трудъ, а не болтовня и сварливыя распри, къ которымъ мы только до сихъ

поръ и прибѣгали. Бросимъ же всѣ эти распри, грозящія намъ новымъ монгольскимъ или другимъ рабствомъ и принесшія уже намъ столько позора! Намъ дается все, чего мы хотѣли: свобода личности, слова, совѣсти, участіе въ законодательствѣ, широко открытое мѣстное самоуправленіе. Будемъ же трудиться неустанно надъ созиданіемъ новой здоровой жизни съ искренностью и взаимнымъ довѣріемъ. Будемъ воздѣлывать русскую ниву русскими руками и мыслью, а не иностранными: бросимъ наше больное и зловредное чужебѣсіе. Дадимъ просторъ для творчества могучаго, но униженнаго русскаго генія.

Леонидъ Боголѣповъ.

1 и 2 марта
1905 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

DK 262 .B6 C.1
Bol'nye korni sovremennoi russ
Stanford University Libraries
3 6105 036 939 358

